ISSN 2587-9227

СибАК

www.sibac.info

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ LXXXVII
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

№10(86)

г. НОВОСИБИРСК, 2024

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Сборник статей по материалам LXXXVII международной научно-практической конференции

№ 10 (86)
Октябрь 2024 г.

Издается с августа 2017 года

Новосибирск
2024

УДК 34
ББК 67
А43

Председатель редакционной коллегии:
Андреева Любовь Александровна **–** канд. юрид.наук, доцент кафедры теории и истории государства и права АНО ВО «Открытый гуманитарно-экономический университет», г. Москва
Редакционная коллегия:
Бахарева Ольга Александровна **–** канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
Дядюн Кристина Владимировна **–** канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии (Владивостокский филиал).
Жамулдинов Виктор Николаевич **–** канд. юрид. наук РК, заведующий кафедрой экономики, права и философии Павлодарского государственного педагогического университета, Республика Казахстан.

А43 Актуальные проблемы юриспруденции / Сб. ст. по материалам LXXXVII междунар. науч.-практ. конф. № 10 (86). Новосибирск: Изд. ООО «СибАК», 2024. 114 с.

Учредитель: ООО «СибАК»

Статьи сборника «Актуальные проблемы юриспруденции» размещаются в полнотекстовом формате на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.
При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

ISSN 2587-9227 . © ООО «СибАК», 2024

Оглавление

Секция «Гражданский и арбитражный процесс» 6

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОРОЧАЩИХ СВЕДЕНИЙ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» 6
Касимова Олеся Алексеевна

ВАРИАНТЫ СУДЕБНЫХ СИТУАЦИЙ В УСЛОВИЯХ НАЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 15
Федин Данила Александрович

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ИСКА ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ОТ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ 19
Лошкарев Николай Владимирович

Секция «Гражданское, жилищное и семейное право» 28

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В РЕГУЛИРОВАНИИ ТОРГОВЛИ УГЛЕРОДНЫМИ КРЕДИТАМИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЗЕЛЕНУЮ ЭКОНОМИКУ 28
Абдувохидов Мухаммад Юсуф Абдурашид угли

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОТИВОРЕЧИВОГО ПОВЕДЕНИЯ 37
Комлев Максим Сергеевич

ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ 44
Шаповалова Диана Леонидовна

Секция «Информационное право» 51

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И РОЛЬ ФИНТЕХА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РОСТЕ 51
Сарабеков Аъзамжон Абдукадирович

Секция «Международное право» **59**

РЕГУЛИРОВАНИЕ КОММЕРЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДРОНОВ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ 59
Сидиков Рустам

Секция «Правоохранительные органы» **70**

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ 70
Куликов Артем Дмитриевич

Секция «Страховое, медицинское, образовательное право и нотариат» **75**

СПЕЦИФИКА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ 75
Рокоман Мария Вадимовна

Секция «Трудовое право и право социального обеспечения» **80**

ТРУДОВОЙ ДОГОВОР: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ 80
Андреева Любовь Александровна
Ющенко Наталья Валерьевна

Секция «Уголовное право» **91**

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ, КАК НЕОБХОДИМОГО ЭЛЕМЕНТА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 91
Ашуров Меер Шалумович

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ 98
Гомбожапов Зэгбэ Энхэевич

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ 102
Гомбожапов Зэгбэ Энхэевич

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ 106
Куприянов Дмитрий Олегович

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ 110
Хубусгеева Дугарма Гуржабовна

СЕКЦИЯ

«ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС»

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОРОЧАЩИХ СВЕДЕНИЙ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Касимова Олеся Алексеевна
аспирант
кафедры гражданского права негосударственного
образовательного частного учреждения
высшего образования Московский финансово-
промышленный университет «Синергия»,
РФ, г. Москва
E-mail: olesyatravy2010@mail.ru

PROBLEMS OF PROTECTING THE BUSINESS REPUTATION OF LEGAL ENTITIES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: DISSEMINATION OF DEFAMATORY INFORMATION ON THE INTERNET

Olesya Kasimova
Postgraduate student
of the Department of Civil Law
of the non-governmental private educational
institution of higher education
Moscow Financial and Industrial
University "Synergy",
Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

Деловая репутация является одним из важнейших нематериальных благ, принадлежащих физическим и юридическим лицам. Несмотря на то, что данное понятие широко используется в науке и практике, его единое понимание в доктрине гражданского права до сих пор не сложилось. Прежде, чем выяснить, какова правовая природа данно-

го термина, необходимо обратиться непосредственно к интерпретации категории «репутация». Актуальным является исследование темы, касающейся уникальности размещения информационных данных в глобальной сети «Интернет» и, оттого, возникающей потребности в надежной защите деловой репутации организаций. Принципиально важным аспектом становится предупреждение распространения данных, наносящих ущерб престижу и уважению различных участников правовых отношений, что может осуществляться третьими сторонами незаконным образом. Исследуемые в статье темы касаются механизмов обеспечения неприкосновенности деловой чести организаций в рамках информационного пространства Интернета. Сообщается, как важно учитывать особенности цифрового контекста при применении мер юридической защиты предприятий от неточных или вредоносных сведений, рассылаемых онлайн. В данной статье рассматриваются вопросы законодательного регламентирования защиты деловой репутации и оцениваются потенциальные правовые итоги соответствующих процедур. В информационных потоках Интернета идентификация правонарушителей в сфере интеллектуальных прав становится затруднительной, ведь личные данные пользователей часто маскируются или вызывают сомнения в их подлинности. Согласно российскому законодательству, детализация объекта и субъекта прав интеллектуальной собственности изложена в многочисленных документах. Тем не менее, интранзитивность данных о юридических лицах, и их неоспоримая публичность в сетевом пространстве приводят к тому, что сведения, ущемляющие деловую репутацию, весьма трудно опровергнуть в срочном порядке. К тому же, обнаружение противоправного использования общедоступной информации о компаниях и предприятиях с ограниченной вероятностью – задача, которая редко достигается эффективного исполнения. В связи с вышеуказанными противоречиями автором была конкретизирована цель исследования – изучение специфики защиты деловой репутации юридических лиц в сети «Интернет». Объект изучения – деловая репутация юридических лиц, предмет – защита репутации в Интернете.

ABSTRACT

Business reputation is one of the most important intangible assets belonging to individuals and legal entities. Despite the fact that this concept is widely used in science and practice, its unified understanding in the doctrine of civil law has not yet developed. Before finding out what the legal nature of this term is, it is necessary to refer directly to the interpretation of the category "reputation". The relevance of the chosen research topic is due to the specifics of the placement and use of information on the Internet, as well

as the need to effectively protect and maintain the business reputation of legal entities. It is especially important to prevent the illegal dissemination by third parties of information that discredits the honor and dignity of various subjects of legal relations. The author identifies the features of protecting the business reputation of legal entities on the Internet, identifying key problematic points. The article is aimed at identifying ways to protect the above-mentioned legal categories of legal entities with.

Ключевые слова: честь, сведения в Интернете, юридическое лицо, защита информации, деловая репутация, цифровые технологии, сведения, порочащие честь и достоинство, диффамация, Интернет, достоинство.

Keywords: honor, information on the Internet, legal entity, information protection, business reputation, digital technologies, information discrediting honor and dignity, defamation, Internet, dignity.

Отмечается длительность процесса формирования репутации, а также ее нестабильный характер. В Толковом словаре живого русского языка В. Даля: репутация означает «репутация» – это общее мнение общества об определенном субъекте, сложившееся в результате оценки его качеств и поведения»[5].

С. Ожегов в Толковом словаре русского языка дает такое толкование репутации: «репутация – создавшееся (составившееся, сложившееся, установившееся) мнение о достоинствах или недостатках кого-либо, чего-либо; общественная оценка» [4]. В свою очередь, Н.П. Козлова обращает внимание на то, что «репутация компании – это формирующееся в сознании целевых групп в течение значительного промежутка времени общественное мнение о компании, в основе которого лежит оценка основных аспектов ее деятельности – экономического, социального, экологического»[3]. С позиции А.О. Ульяновой, деловая репутация является оценкой положительных и отрицательных качеств компании или бизнесмена в глазах их клиентов, партнеров, конкурентов и общественности в целом. Она отражает качество продуктов или услуг, эффективность бизнес-процессов, прозрачность и честность в отношениях с клиентами и партнерами, социальную ответственность и многие другие аспекты деятельности организации или личности[6].Ф.И. Шарков, при этом, утверждает, что «репутация связана с оценочными эмоциями, она основывается на рациональной оценке – положительной или отрицательной»[7]. Следует отметить, что в российском законодательстве отсутствует официальное определение деловой репутации. ГК РФ в ст. 150 лишь упоминает деловую

репутацию в числе нематериальных благ, принадлежащих гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемых и непередаваемых иным способом. Отсутствует специфическое упоминание в Гражданском кодексе Российской Федерации относительно принадлежности деловой репутации к юридическим лицам. Тем не менее, разрешение этого вопроса указывается в части 11 ст.152 ГК РФ. В данной норме закреплён алгоритм, согласно которому нормы, устанавливающие критерии защиты чести и достоинства индивидуума, используются в контексте юридических субъектов с теми же юридическими последствиями. В этом контексте выделить можно преимущественное значение материалов, публикуемых в сетевых ресурсах. Например, компетентный анализ, представленный Л.В. Магдиловой и К.Т. Рагимхановой, рассматривает процесс, при котором субъекты самостоятельно категоризируют репутацию как благоприятную либо неблагоприятную на основе собственных критериев и интересов. Подчеркивается важность возможности таких субъектов самостоятельно регулировать и мониторить репутацию в информационной среде [8]. Интернет пространство характеризуется неисчислимым количеством пользователей, что делает защиту авторитета от агрессивных вторжений неопределенного ареала субъектов особенно релевантной.

Анализируя научные работы (Е.А. Амосова, С.С. Шевцова, С.А. Киракосяна и других), следует акцентировать внимание на атрибутах корпоративного имиджа субъектов хозяйственной деятельности. Данные атрибуты могут находить отображение также в цифровом пространстве.

1. Эксплуатация бренда, системы поощрений, репутации и иных аспектов маркетинга интенсивно направлена на монетизацию и влечение рыночного дохода. При этом, развертывание информационной кампании через всемирную сеть корпорациями задумано как магнит для завлечения потребителей, вербовки капиталовложений и укрепления связей с будущими альянсами. Аксиоматически, предоставляемые детали субъектами предпринимательской деятельности обладают верифицируемостью и персонифицируют значимость.

2. Коммерческая репутация является инструментом, позволяющим индивидуализировать организацию во взаимодействии с конкурентами, клиентами и партнерами, отражая уникальную структуру операций и прочие характеристики, отличающие одну фирму от другой. В процессе распространения информации о себе через печатные и онлайн-медиаплатформы, организации, несмотря на кажущиеся сходства, делают акцент на специфических чертах, подкрепляющих их статус.

3. В процессе выработки деловой репутации юридического лица, мнения экспертов расходятся по поводу начала этого процесса и его ключевых моментов. Многие авторы полагают, что первые шаги к подобной репутации делаются с самого основания юридического субъекта, когда возникают первые упоминания о нём в общественном информационном пространстве, которое включает в себя не только традиционные медиаресурсы, но и всемирную сеть. Создание такого имиджа, по мнению иных аналитиков, является длительным процессом, при котором каждый отклик, оставленный в интернет-пространстве в виде данных, разнообразных мнений, постепенно формирует и укрепляет общее восприятие компании.

4. Взаимоотношения вкладчиков и сложность определения заинтересованных сторон, в праве разместить сведения относительно коммерческой деятельности, уникальности и ключевых характеристик организации – проблематика, на которую указывается в абз. первом ст. 1042ГК РФ. Это вытекает из трудности определения полного перечня лиц, обладающих правами на публикацию информации о компании, что является существенным в коммерческой перспективе, учитывая потенциальный вклад каждого из сотрудников в создание деловой репутации.

Анализируемая экономическая перспектива предполагает оценку вкладов с высоким репутационным уровнем в денежном эквиваленте. Как иллюстрацию, рассмотрим компенсацию издержек за маркетинговые операции и активное продвижение изделий без участия маркетологов, а при помощи ресурсов, интегрированных внутрь юридического субъекта. В противовес этому, конфликтные сценарии с разрушением деловой репутации предусматривают закрепление за юридическим лицом прав на обращение в суд с целью взыскания компенсации за этический ущерб и реальные финансовые потери. Ситуация усложняется, когда в организационном контексте появляются спорные моменты из-за деструктивной критики, исходящей от одного из участников коллектива. Возникает легитимный запрос: кто возьмёт на себя полномочия действовать в интересах защиты правомерных потребностей? Этот вопрос выходит на первый план в проводимом автором исследовании, призванном расширить представление о юридических методах защиты [9].

Согласно ст. 15.1 Федерального Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], установлен механизм идентификации интернет-площадок, где публикуется информация, запрещённая в пределах Российской Федерации. В рамках данной правовой процедуры чётко определяются критерии для оценки

интернет-сайтов и их цифровых характеристик в целях выявления неприемлемых данных. Тем не менее, существует нюанс, заключающийся в том, что информация, способствующая ущербу коммерческой репутации организаций, не попадает в обсуждаемый перечень до тех пор, пока судебным решением не будет установлено её дискредитирующее значение. Таким образом, отсутствие правовой оценки подобного рода информации затрудняет проведение действий по правовой защите в отношении компонентов деловой репутации компаний в сети Интернет, лишая заинтересованные стороны возможности активно использовать законодательные инструменты для защиты своих интересов.

В ст. 152 ГК РФ предусмотрены особенности регулирования защиты репутации организаций и отдельных лиц от нападок, порочащих достоинство. Упомянутый порядок подразумевает возможность для граждан требовать устранения некорректных сведений, опубликованных в интернет-пространстве, в том числе через удаление данных с ресурсов сети. Затронутый механизм предъявления требований активизируется, когда лицо, разместившее информацию онлайн, не способно обосновать её фактическую точность. Юридические лица, чья деловая репутация подверглась нарушению, обладают правом на судебную защиту и компенсацию морального либо финансового ущерба, предусматривая идентификацию лица, дискредитирующего коммерческий статус. Тем не менее, защита деловой чести компаний сталкивается с препятствиями при отсутствии информации о том, кто именно распространяет ложные данные, особенно если доступ к публикации ограничен законными владельцами ресурса через блокирование. Этот момент порождает юридические коллизии и ставит под угрозу оперативное опровержение недостоверных фактов или быстрое удаление компрометирующих материалов, что подразумевает необходимость дальнейшего совершенствования правовых механизмов защиты репутационного статуса в цифровой среде [10].

В гл. 76 ГК РФ, устанавливаются критерии правомочия лиц на средства индивидуализации юридических субъектов. В случаях противоправного использования элементов визуальной идентификации – таких как графические знаки, товарные символы, названия, эмблемы и другие опознавательные знаки – нарушители могут быть вызваны к ответственности. Этот факт предусматривает возможность подачи иска о реституции утраченного материального блага либо компенсации за моральный урон. Важно отметить, что если личность нарушителя, публикующего ложную информацию онлайн, не установлена, тогда урегулирование спора становится невозможным по причине нормативных пробелов в законодательстве. Тем не менее, законодательная

рамка не ограничивает выбор законных методов защиты, которые применяются для сохранения коммерческой репутации юридических лиц.

В ситуациях, когда ущерб, вызванный необоснованными или недостоверными утверждениями, затрагивает доброе имя или имущественный интерес лица, применение концепта дифамации оказывается релевантным. Этот концепт, отсутствующий в российских законодательных документах, тем не менее, олицетворяет академическую более, чем преторианскую, категорию, и может способствовать их реализации при знании имени ответчика. Несмотря на отсутствие явного упоминания данного термина в законах России, его интеграция позволяет обеспечить защиту не только личного, но и профессионального имиджа граждан, пострадавших от клеветы. В рамках российской судебной системы необходимо подчеркнуть особенность: распространители информации, компрометирующей деловой статус, также несут ответственность наряду с ее авторами. Данный принцип обуславливает расширенное представление состава фигурантов, предполагаемых к ответу в ситуациях защиты данных о частных структурах в виртуальном пространстве, включая случаи, когда речь идет о сведениях, доступных в общем доступе.

Таким образом, выявлены следующие проблемы, связанные с защитой деловой репутации юридических лиц в цифровой среде:

1. Оценка достоверности информации подлежащей защите деловой репутации, является императивом в гражданском праве. В судебной практике возникает необходимость установления фактической подлинности таких данных; без этого защита репутации не реализуется. Юридические лица, стремящиеся к защите своего делового имени, сталкиваются с задачей опровержения непроверенных фактов, в том числе распространенных через Интернет. Таким образом, защита деловой репутации подразумевает выявление истинности сведений, а также обусловливает дилемму между защитой прав и обязанностью обличения ложной информации.

2. Сфера защиты деловой репутации юридического лица представляет собой сложный процесс, поскольку информация, уничтожающая авторитет компании в пространстве Интернета, может распространяться неизвестным числом личностей. Следственно, утрата данной информации не становится основанием для прекращения подачи претензий по обеспечению бизнес прав. Для подтверждения распространения информации, затрагивающей репутацию, лицо, подавшее исковое заявление, обязано представить документальные улики, такие как скриншоты или фоторепродукции соответствующих материалов. Исключительно предъявление таковых свидетельств в суде и

информации о её ложности оказывается неспособным безоговорочно гарантировать защищенность прав экономического субъекта.

3. Законодательные рамки утверждают право юридических лиц на изъятие их делового имени из недобросовестного использования. Сложности возникают при попытках точного установления действующего лица, совершившего посягательство, и места инцидента. Отсутствие ясности в определении виновника зачастую становится барьером, который непреодолим. Жертвы таких обстоятельств вынуждены обращаться к ст. 27 КАС РФ, предъявляя необходимые доказательства для рассмотрения своего дела, равно как и иные стороны, заинтересованные в разбирательстве. Несмотря на внесение в законодательство статей, защищающих права на компенсацию вреда и восстановление репутации, это право часто ограничивается только теоретической возможностью, без реальной перспективы на воплощение.

В области правового регулирования стоит исследовать потенциал для законодательного утверждения терминологии связанной с понятием «деловая репутация» юридического лица в сети Интернет», анализировать его сущностные характеристики и исследовать доступные механизмы обеспечения защиты такой репутации.

Список источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ// Российская газета РФ. 2006. № 165.
3. Новые парадигмы развития маркетинговых инструментов в условиях трансформации современной экономики: монография / под общ. ред. С.В. Карповой. М.: Дашков и К, 2020. С. 275
4. Толковый словарь русского языка / под ред. Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю.М.: ООО «А ТЕМП». 2006. С. 324.
5. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия / В.И. Даль. М.: Эскимо, 2005. 735 с.
6. Ульянова, О.А. Деловая репутация юридического лица в российском гражданском праве: понятие и отличительные черты / О.А. Ульянова. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2015. № 9 (89). С. 891-896.
7. Шарков Ф.И. Константы гудвилла: стиль, паблисити, репутация, имидж и бренд фирмы. М.: Дашков и К, 2020. С. 51
8. Богданов Е.В. Отдельные методологические проблемы эволюции вины в гражданском праве // Lex Russica. 2023. № 4 (197). С. 75-85.

9. Пащенко Е.Ю. Система объектов гражданских прав // Образование и право. 2022. № 8. С. 158-161.
10. Яхонтов Р.Н. Соотношение объекта права и объекта правоотношения в гражданском праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 82-88.
11. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации" от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения 20.10.2024)

ВАРИАНТЫ СУДЕБНЫХ СИТУАЦИЙ В УСЛОВИЯХ НАЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Федин Данила Александрович
аспирант
кафедры Фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
РФ, г. Москва
E-mail: danfed34@mail.ru

VARIANTS OF JUDICIAL SITUATIONS IN THE CONDITIONS OF APPOINTING AN EXPERT IN CIVIL PROCEEDINGS

Danila Fedin
Postgraduate student
of the Department of Fundamental Legal and Social-Humanitarian Disciplines,
Moscow Financial and Industrial University «Synergy»,
Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – формирование вариантов судебных ситуаций в условиях назначения экспертизы в гражданском судопроизводстве на базе объективных и субъективных составляющих судебного процесса. Методы научного исследования: обобщение, синтез, компаративный анализ, анализ теоретических источников академической литературы, формально-юридический метод. Результат: отражена актуальность и практическая значимость выбранной темы для научного исследования; приведены объективные и субъективные составляющие судебного процесса, влияющие на судебную ситуацию в условиях назначения и реализации судебно-экспертной деятельности в гражданском судопроизводстве. Выводы: основным результатом данной работы является представление вариантов судебных ситуаций в условиях назначения экспертизы в гражданском судопроизводстве, обусловленных субъективными и объективными составляющими. Практическое использование научной новизны, отраженной в статье, способствует

совершенствованию правоприменительной практики гражданского судопроизводства с назначением и проведением судебной экспертизы документальных доказательств, а также выработке путей улучшения процесса назначения и реализации судебной экспертизы документальных доказательств, предъявляемых сторонами.

ABSTRACT

The purpose of the study is to develop variants of judicial situations in the context of appointing an expert opinion in civil proceedings based on objective and subjective components of the judicial process. Methods of scientific research: generalization, synthesis, comparative analysis, analysis of theoretical sources of academic literature, formal legal method. Result: the relevance and practical significance of the chosen topic for scientific research are reflected; objective and subjective components of the judicial process that influence the judicial situation in the context of appointing and implementing forensic expert activity in civil proceedings are presented. Conclusions: the main result of this work is the presentation of variants of judicial situations in the context of appointing an expert opinion in civil proceedings, due to subjective and objective components. Practical use of the scientific novelty reflected in the article contributes to the improvement of law enforcement practice of civil proceedings with the appointment and conduct of forensic examination of documentary evidence, as well as the development of ways to improve the process of appointing and implementing forensic examination of documentary evidence presented by the parties.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебная ситуация; объективные и субъективные составляющие судебного процесса.

Keywords: forensic examination; judicial situation; objective and subjective components of the judicial process.

В настоящее время остаются актуальными вопросы судебно-экспертной деятельности в гражданском судопроизводстве в научных исследованиях [1, с.30-32; 2,с.543-548]. Одновременно с этим криминалистическая сторона судебно-экспертной деятельности, грамотное двухстороннее взаимодействие экспертов и суда, анализ полученных в заключении результатов, проводимый судом, в достаточной мере не освещены.

Кроме того, актуальность и практическая значимость этой статьи определяется тем, что в настоящее время в гражданском судопроизводстве целесообразно усовершенствовать способы и средства судебно-экспертной деятельности, поскольку недостаточно проработанной остаётся проблема назначения и реализации судебной экспертизы до-

кументальных доказательств, предъявляемых сторонами [3, с.206-209; 4, с.32-37; 5, с.482-486].

В соответствии с существующими академическими исследованиями[1, с.30-32; 2,с.543-548; 3,с.206-209; 4,с.32-37; 5,с.482-486] при назначении судом экспертизы предъявленных сторонами документов в гражданском судопроизводстве, по мнению автора, возникает определенная судебная ситуация, которая подразумевает сложившуюся систему динамических условий в гражданском судопроизводстве, где суд реализует комплекс действий, выступающих основанием концепции судебной экспертизы и её проведения.

В рамках этого исследования автором сформированы варианты судебных ситуаций в условиях назначения экспертизы в гражданском судопроизводстве, обусловленные субъективными и объективными составляющими. Судебные ситуации, вызванные субъективными составляющими, обусловлены такими компонентами судебного процесса, как:

1. Версия участника гражданского судопроизводства, от которого в суде поступило ходатайство о необходимости реализации судебно-экспертной деятельности;
2. Необходимость экспертизы реквизитов договоров, правовых и экономических оснований их заключения;
3. Основания по предоставлению стороной согласия либо несогласия с поступившим от участника гражданского судопроизводства ходатайством;
4. Наличие противоположных версий по происхождению реквизитов договоров;
5. Основания по предоставлению стороной согласия либо несогласия с проведением независимой судебно-экспертной деятельности по непосредственной инициативе суда;
6. Версия суда по происхождению реквизитов договоров, правовых и экономических оснований их заключения;
7. Основания по предоставлению стороной согласия либо несогласия участников гражданского судопроизводства с проведением независимой судебно-экспертной деятельности по непосредственной инициативе суда.

Как правило, версии участников гражданского судопроизводства или суда базируются на сомнении в подлинности предъявленных документальных доказательств либо их реквизитов (характеристик).

Судебные ситуации, вызванные объективными составляющими, обусловлены нижеследующими элементами:

1. Существование в гражданском судопроизводстве исковых требований либо возражений на них со стороны ответчика, которые опровергаются либо подтверждаются доказательствами, фактами, определенными документами;

2. Ходатайство одной либо нескольких сторон о необходимости реализации судебно-экспертной деятельности;

3. Отношение ответчика или истца, иных субъектов гражданского судопроизводства о поступившем ходатайстве одной либо нескольких сторон о необходимости реализации судебно-экспертной деятельности;

4. Нет ходатайства одной либо нескольких сторон гражданского судопроизводства о необходимости реализации судебно-экспертной деятельности и существование их согласия с назначением судебной экспертизы по непосредственной инициативе суда;

5. Присутствие объективных условий о необходимости назначения непосредственно судом независимой экспертизы.

Таким образом, основным результатом данной работы выступает представление вариантов судебных ситуаций в условиях назначения экспертизы в гражданском судопроизводстве, обусловленных субъективными и объективными составляющими. Практическое использование научной новизны, отраженной в статье, способствует совершенствованию правоприменительной практики гражданского судопроизводства с назначением и проведением судебной экспертизы документальных доказательств, а также выработке путей улучшения процесса назначения и реализации судебной экспертизы документальных доказательств, предъявляемых сторонами.

Список литературы:

1. Могилевский Г.А. Нормативно-правовые аспекты достоверности экспертизы в гражданском судопроизводстве //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – №. 3-3 (78). – С. 30-32.
2. Кузнечиков А.С. Судебно-речеведческие экспертизы в гражданском судопроизводстве их использование при решении гражданских споров // Вестник науки. – 2024. – Т. 4. – №. 5 (74). – С. 543-548.
3. Шоин Д.Р. Автотехническая экспертиза в гражданском процессе: проблемы теории и перспективы развития //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №. 4-5 (91). – С. 206-209.
4. Попова Н.И. Проблемы правового регулирования экспертизы в гражданском процессе //Юридический вестник Самарского университета. – 2023. – Т. 9. – №. 4. – С. 32-37.
5. Усцов Д.К. О понятии «процессуальная компетентность» эксперта при назначении судебных экспертиз в гражданском процессе //Научные труды. Российская академия юридических наук. – 2023. – С. 482-486.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ИСКА ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ОТ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Лошкарев Николай Владимирович
магистрант,
кафедра государственного
и муниципального управления,
Тюменский государственный университет,
РФ, г. Тюмень
E-mail: loshkarev.nik@mail.ru

PROSPECTS FOR USING A CLASS ACTION TO PROTECT CONSUMERS FROM UNFAIR COMPETITION

Nikolai Loshkarev
Master's student,
Department of Public
and municipal administration,
University of Tyumen,
Russia, Tyumen

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются имеющиеся препятствия на пути реализации коллективного иска, как процессуальной формы защиты потребителей от недобросовестной конкуренции и выдвигаются предложения по их устранению.

ABSTRACT

The article examines the existing obstacles to the implementation of a class action as a procedural form of protecting consumers from unfair competition and puts forward proposals for eliminating them.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, коллективный иск, защита прав потребителей.

Keywords: unfair competition, class action, consumer protection.

В современной России поддержание и обеспечение конкуренции на всех товарных рынках является одним из приоритетных направлений государственной политики, поскольку именно конкуренция позволяет обеспечить фундамент для стабильного развития экономики и технологий, а также обеспечить: повышение конкурентоспособности

российских хозяйствующих субъектов; снижение цен; повышение качества товаров.

Между тем необходимо учитывать, что хозяйствующие субъекты всегда стремятся максимизировать прибыль и в связи с этим применяют различные способы продвижения своего товара, в том числе и недобросовестные. Например, большинство составов недобросовестной конкуренции (статья 14.2., 14.3., 14.4., 14.6. Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [8]) предполагают переманивание большой массы потребителей к недобросовестному хозяйствующему субъекту путем введения потребителей в заблуждение относительно деловой репутации продавца или характеристик самого товара, что очевидно, нарушает права и законные интересы не только конкурентов, но и конечных потребителей.

Однако на протяжении долгого времени в отечественной правоприменительной практике потребитель-гражданин не воспринимался полноправным участником рыночных отношений и только в 2021 году Верховный суд РФ признал, что в результате акта недобросовестной конкуренции может быть причинен вред правам и законным интересам потребителей, которые в свою очередь вправе требовать, в том числе возмещения причиненных убытков [1].

В настоящее время в России в сфере конкурентных отношений преобладает публичная ответственности над частноправовой, что создает ситуацию, когда задача по выявлению нарушений в сфере антимонопольного регулирования практически полностью возлагается на антимонопольные органы. Вместе с тем общепризнанным является тот факт, что одним из решающих факторов развития экономики является доминирование частноправового метода регулирования над публичным правом. В.Ф. Яковлев указывает, что в частном праве сокрыт безграничный потенциал самоприменения, раскрытие которого приведет к отпадению необходимости использования механизмов публичного права [2, с. 4]. В свою очередь Стариков А.В. отмечает, что никто, кроме самих участников рынка, не будет столь же сильно заинтересован в установлении и поддержании на рынке честных правил игры [3, с. 82]. Поэтому в большинстве стран с развитой экономикой, государство предоставляет самим гражданам возможности для выявления и пресечения антиконкурентных практик посредством прозрачных и понятных инструментов.

Одним из таких инструментов стал коллективный иск, так как защита в рамках отдельного иска для рядового потребителя является непосильной задачей в виду следующих факторов:

- сложность правоотношений в сфере антимонопольного законодательства;
- ограниченность ресурсов (материальных и информационных);
- риск несения судебных издержек, значительно превышающих размер возможного возмещения.

В целях преодоления данных препятствий и был введен институт коллективного иска, который позволяет потребителям:

- объединить усилия и материальные средства значительной группы потребителей;
- снизить свои риски по несению судебных издержек;
- оказать ощутимое давление на виновное лицо;
- привлечь внимание общественности.

В настоящее время существует две модели коллективных исков:

- opt-in – членами группы признаются лишь те лица, которые прямо присоединились к заявленному требованию в рамках группового иска. Такая модель используется в Великобритании, Германии, Франции, Норвегии, Швеции, Финляндии, Бразилии, России;
- opt-out – членами группы изначально признаются все лица, потенциально относящиеся к данной группе, за исключением тех, которые прямо заявили о намерении выйти из нее. Такая модель используется в США, Австралии, Канаде, Израиле, Колумбии.

Российским законодателем была избрана модель коллективного иска opt-inactions и впервые данный процессуальный институт появился в 2009 году. В Арбитражный процессуальный кодекс РФ была введена глава 28.22[4], посвященная групповым искам. В 2015 году данный институт появился в Кодексе административного судопроизводства РФ [5], а в 2019 году он был закреплен и в Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее – ГПК РФ) [6].

Многие авторы проводят классификацию групповых исков по субъекту, предъявляющему иск и действующему в интересах группы. Например, Д.Я. Малешин выделяет следующие виды коллективных исков:

- Частный коллективный иск – предъявляется гражданином и позволяет ему действовать от имени группы и предъявлять иск в защиту прав ее членов либо неопределенного круга лиц;
- Публичный коллективный иск – предъявляется государственным органом в защиту прав определенной группы лиц либо неопределенного круга лиц;
- Организационный коллективный иск – предъявляется специально уполномоченными организациями [7, с. 205].

В Российской Федерации действует смешанная система представительства (действуют все три вида иска: частный, публичный, организационный) и основной сферой действия коллективного иска является защита прав потребителей. Вместе с тем процессуальное законодательство никак не ограничивает сферу применения групповых исков, в отличии от многих зарубежных стран.

Тем не менее, в настоящее время отсутствует какая-либо практика применения данного института для частноправовой защиты потребителей от актов недобросовестной конкуренции.

Отсутствие коллективных исков в защиту потребителей, пострадавших от актов недобросовестной конкуренции можно объяснить наличием следующих препятствий.

1. Узкий круг уполномоченных лиц на обращение с иском в суд, в целях восстановления прав, нарушенных антиконкурентным актом.

Исходя из буквального толкования части 3 статьи 37 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Федеральный закон «О защите конкуренции») с иском в суд может обратиться только лицо, чьи права и интересы были нарушены в результате совершенного нарушения антимонопольного законодательства [8]. Указанное положение лишает общественные организации и государственные органы права на обращение с иском в защиту группы потребителей, чьи права и законные интересы были нарушены недобросовестной конкуренцией. Таким образом, пострадавших потребителей оставили тягаться в судебном процессе один на один с хозяйствующим субъектом, что явно лишает потребителей мотивации отстаивать свои нарушенные права и оставляет нарушителя безнаказанным.

В целях повышения защиты потребителей как участников рынка предлагается предоставить право на обращение с коллективным иском не только непосредственно пострадавшим лицам, но и общественным объединениям потребителей (их ассоциациям, союзам), а также антимонопольному органу.

2. Бремя по доказыванию наличия акта недобросовестной конкуренции.

Как неоднократного указывал Верховный суд РФ, пострадавшее от акта недобросовестной конкуренции лицо вправе сразу обратиться с иском в суд, однако в таком случае он обязан доказать факт наличия акта недобросовестной конкуренции [1]. Очевидно, что для рядовых потребителей не представляется возможным самостоятельно доказать все признаки недобросовестной конкуренции (получение преимуществ нарушителем, наличие конкурентов, наличие у конкурентов убытков и

их размер), так как у них отсутствуют доступ к необходимой информации и доказательствам.

Из этого следует что для группы потребителей использование в целях защиты от недобросовестной конкуренции модели самостоятельного иска (stand-alone) является бесперспективной, а разумнее использовать иск, основанный на ранее вынесенном решении антимонопольного органа (модель follow-on). В таком случае потребителям уже не придется доказывать факт недобросовестной конкуренции, так как он уже будет установлен актом антимонопольного органа. При этом загруженность судов общей юрисдикции и отсутствие у них опыта рассмотрения антимонопольных споров является еще одним доводом в пользу предварительного обращения потребителей в антимонопольный орган, который имеет соответствующую компетенцию и инструменты для установления всех признаков недобросовестной конкуренции.

Учитывая изложенное, оправданным шагом для законодателя было бы установление для потребителей, пострадавших от антиконкурентных действий, обязательного досудебного порядка обращения в антимонопольный орган. Кроме того, необходимо уполномочить антимонопольные органы при установлении факта совершения акта недобросовестной конкуренции определять, были или нет нарушены права и законные интересы потребителей.

3. Бремя по доказыванию убытков, причиненных в результате акта недобросовестной конкуренции.

Возмещение убытков, причиненных потребителям в результате акта недобросовестной конкуренции, осуществляется в общем порядке, который предусмотрен статьей 15 Гражданского кодекса РФ [9]. Лицо, понесшее убытки должно доказать:

- Наличие акта недобросовестной конкуренции, который был совершен хозяйствующим субъектом (ответчиком);
- Наличие и размер причиненных убытков;
- Наличие причинно-следственной связи между деянием хозяйствующего субъекта (ответчика) и наступившими убытками для пострадавшего лица.

Одним из самых сложных этапов возмещения убытков является расчет и доказывание их размера. В связи с чем, в ряде стран действует презумпция, в соответствии с которой истец понес убытки от действий хозяйствующего субъекта в заявленном размере, пока последним не доказано обратное.

Указанная презумпция, может быть введена в отношении потребителей, пострадавших от недобросовестной конкуренции, так как они

являются наиболее уязвимой стороной экономических отношений, и потому их права подлежат повышенной защите.

Однако не во всех случаях совершения акта недобросовестной конкуренции возможно оценить степень влияния акта недобросовестной конкуренции на выбор потребителя и насколько он стал причиной каких-либо негативных последствия для потребителей. Вместе с тем невозможность расчета конкретного размера убытков никак не может означать отсутствие негативных последствий для потребителя (либо их наступления в будущем) и потому потребитель вправе воспользоваться иными способами защиты.

Например, еще в 2015 году предлагалось внести поправки в статью 37 Федерального Закона «О защите конкуренции» и предоставить право лицу, права и интересы которого были нарушены в результате нарушения антимонопольного законодательства, потребовать от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере от одного процента до пятнадцати процентов от стоимости товара, реализованного с нарушением требований антимонопольного законодательства, определяемой по усмотрению суда, исходя из характера нарушения[10].

Указанная компенсация могла бы стать действенным способом защиты потребителей от актов недобросовестной конкуренции, так как при ее использовании у пострадавшего отсутствует обязанность по доказыванию размера убытков. Истцу достаточно доказать только факт наличия акта недобросовестной конкуренции и то, что данное нарушение затрагивает его права и законные интересы.

4. Риск взыскания с потребителей судебных издержек в случае отказа в иске.

В силу части 2 статьи 244.22 ГПК РФ обязанность по уплате судебных расходов возлагается на представителя по коллективному иску, если он является членом данной группы (если иное не предусмотрено соглашением группы) [6]. Таким образом, в случае отказа в удовлетворении коллективного иска все судебных расходы придется возмещать представителю группы либо всем участникам группы.

Указанное положение, со всей очевидность, повышает риски и снижает для потребителей привлекательность такой формы процессуальной защиты нарушенных прав.

Для устранения указанных рисков предлагается распространить и на участников коллективного иска положения части 1 статьи 102 ГПК РФ, в которой указано, что в случае отказа в иске ответчику возмещаются судебные расходы за счет средств соответствующего бюджета [6].

5. Отсутствие должного вознаграждения лица, обратившегося с коллективным иском.

Еще одним проблемным вопросом реализации института коллективного иска является вознаграждение лица или организации, выступающей в интересах группы.

Например, если интересы группы будет представлять участник такой группы, то законодательство не предполагает какого-либо его вознаграждения. Предусмотренная ГПК РФ процедура возмещения судебных издержек также является малоэффективной для лица, представляющего группу, так как судебные расходы суд может посчитать завышенными и на этом основании их снизить. Вместе с тем представитель группы несет все риски неблагоприятного исхода рассмотрения иска, в том числе и риск взыскания с него судебных расходов ответчика.

Наиболее удачной и привлекательной моделью вознаграждения представителя группы потребителей является модель, действующая в отношении общественных организаций, объединений потребителей и органов местного самоуправления предусмотренная Законом РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей». В соответствии с пунктом 6 статьи 13 Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1, если с заявлением в защиту прав потребителя выступают общественные объединения потребителей или органы местного самоуправления, 50% суммы взысканного штрафа перечисляются указанным объединениям или органам [11].

Для побуждения общественных организаций и граждан самостоятельно выявлять акты недобросовестной конкуренции и обращаться за судебной защитой своих прав необходимо установить вознаграждение лиц, инициировавших коллективный иск, в виде процента от общей суммы, присужденной в пользу участников группы. При этом указанный процент должен взыскиваться судом не из присужденных денежных средств участников группы, а сверх указанной суммы с ответчика.

6. Исключительная подсудность по адресу ответчика.

В настоящее время в силу части 4 статьи 30 ГПК РФ иски о защите прав и законных интересов группы лиц, в том числе прав потребителей, подаются по адресу ответчика [6].

Указанное положение значительно затрудняет процесс защиты нарушенных прав для рядовых потребителей, так как большинство компаний реализуют свои товары и услуги на территории все России, следовательно, и пострадавшие потребители могут находится в различных регионах и фактически не смогут повлиять на исход дела.

Основными действующими лицами группового иска является лицо, представляющее интересы группы и ответчик. Учитывая тот факт, что потребители признаются слабой стороной правоотношений, а лицо, представляющее их интересы, принимает от них заявления на присоединение к иску и иные доказательства, то справедливо было бы определить территориальную подсудность по месту жительства лица, инициировавшего иск.

Исходя из проведенного анализа коллективного иска, как процессуальной формы защиты потребителей от недобросовестной конкуренции, был выявлен ряд проблем, которые могут быть устранены путем реализации следующих предложений:

1. Наделить общественные объединения потребителей (их ассоциации, союзы) и антимонопольные органы правом на обращение с коллективным иском в защиту потребителей, пострадавших от недобросовестной конкуренции;

2. Установить обязательный досудебный порядок обращения потребителей, пострадавших от недобросовестной конкуренции в антимонопольный орган;

3. Установить презумпцию, в соответствии с которой потребители, пострадавшие от недобросовестной конкуренции понесли убытки от действий хозяйствующего субъекта в заявленном ими размере, пока хозяйствующий субъект не доказал иного;

4. Распространить на участников коллективного иска положения части 1 статьи 102 ГПК РФ;

5. Установить компенсацию в качестве способа восстановления нарушенных недобросовестной конкуренцией прав и законных интересов потребителей;

6. Установить вознаграждение лиц, инициировавших коллективный иск, в виде процента от общей суммы, присужденной в пользу всех участников группы;

7. Установить территориальную подсудность коллективных исков по месту жительства лица, инициировавшего иск.

Введение указанных мер повысит мотивацию самих граждан отслеживать состояние конкуренции и выявлять недобросовестные практики, а также посредством самостоятельных исков привлекать виновников к ответственности. Впоследствии это будет способствовать формированию вовлеченного гражданского общества, а также снижению вмешательства в сектор экономики со стороны государства, так как обществу будет предоставлена возможность саморегуляции посредством реализации частноправовых способов защиты нарушенных прав.

Список литературы:

1. О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 г. № 2 // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378656/ (дата обращения: 01.10.2024).
2. Яковлев В.Ф. О системном применении права // Вестник ВАС РФ. – 2007. – № 3. – С. 4–8.
3. Стариков А.В. Гражданско-правовые способы защиты от нарушений антимонопольного законодательства // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 5. – С. 72–35.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (посл. ред. от 08.08.2024 № 255-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 01.10.2024).
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (посл. ред. от 08.08.2024 № 255-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 01.10.2024).
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (посл. ред. от 08.08.2024 № 135-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 01.10.2024).
7. Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России / Д.Я. Малешин. – М.: Статут, 2011. – 496 с.
8. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ (посл. ред. от 08.08.2024 № 275 ФЗ) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 01.10.2024).
9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (посл. ред. от 08.08.2024 N 237-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.10.2024).
10. О внесении изменений в статью 37 Федерального закона «О защите конкуренции»: Проект Федерального закона (не внесен в Государственную Думу Федерального собрания РФ, текст по состоянию на 10.02.2015) // СПС «Гарант». – URL:https://base.garant.ru/56626883/ (дата обращения: 01.10.2024).
11. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 (посл. ред. от 08.08.2024 N 232-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 01.10.2024).

СЕКЦИЯ

«ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО»

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В РЕГУЛИРОВАНИИ ТОРГОВЛИ УГЛЕРОДНЫМИ КРЕДИТАМИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЗЕЛЕНУЮ ЭКОНОМИКУ

Абдувохидов Мухаммад Юсуф Абдурашид угли
соискатель
Ташкентского государственного юридического университета,
Узбекистан, г. Ташкент
E-mail: infolaw.uz@gmail.com

THE ROLE OF INTERNATIONAL TREATIES IN REGULATING CARBON CREDIT TRADE AND ITS IMPACT ON THE GREEN ECONOMY

Yusuf Mukhammad
Researcher
of the Tashkent State University of Law,
Uzbekistan, Tashkent

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается решающая роль международных договоров в регулировании торговли углеродными кредитами и их последующее влияние на зеленую экономику. В ней представлен всесторонний анализ ключевых глобальных соглашений, таких как Киотский протокол и Парижское соглашение, и их влияние на формирование углеродных рынков. В исследовании рассматривается сравнительная эффективность систем торговли углеродом в развитых и развивающихся странах, подчеркиваются успешные инициативы и рассматриваются проблемы соблюдения и обеспечения соблюдения. Критически оценивая взаимодействие между международным правом, механизмами углеродных кредитов и экономическим ростом, это ис-

следование дает представление о сложной динамике глобальных усилий по смягчению изменения климата с помощью рыночных подходов.

ABSTRACT

This article examines the crucial role of international treaties in regulating carbon credit trading and their subsequent impact on the green economy. It provides a comprehensive analysis of key global agreements, such as the Kyoto Protocol and the Paris Agreement, and their influence on shaping carbon markets. The study explores the comparative efficacy of carbon trading systems across developed and developing nations, highlighting successful initiatives and addressing challenges in compliance and enforcement. By critically evaluating the interplay between international law, carbon credit mechanisms, and economic growth, this research offers insights into the complex dynamics of global efforts to mitigate climate change through market-based approaches.

Ключевые слова: углеродные кредиты, международные договоры, зеленая экономика, регулирование торговли, экологическое право, изменение климата, торговля выбросами, устойчивое развитие, глобальное управление.

Keywords: Carbon credits, international treaties, green economy, trade regulation, environmental law, climate change, emissions trading, sustainable development, global governance.

В условиях эскалации глобального изменения климата углеродные кредиты стали ключевым механизмом сокращения выбросов парниковых газов и содействия устойчивому развитию. Эти рыночные инструменты представляют собой количественную единицу эквивалента диоксида углерода, которую можно торговать, продавать или списывать для компенсации выбросов. Концепция углеродных кредитов основана на принципе, что изменение климата является глобальной проблемой, и сокращение выбросов может быть достигнуто более экономически эффективно, если обеспечить гибкость в том, где и как это сокращение происходит.

Генезис углеродных кредитов можно проследить до конца 20-го века, когда международное сообщество начало осознавать острую необходимость скоординированных действий по борьбе с изменением климата. По мере того, как росло понимание потенциально катастрофических последствий неконтролируемых выбросов парниковых газов, политики и эксперты по охране окружающей среды искали инновационные решения, которые могли бы использовать рыночные силы для сокращения выбросов. Углеродные кредиты стали многообещаю-

щим инструментом, предлагающим способ установить цену на углерод и создать финансовые стимулы для предприятий и стран для снижения их воздействия на окружающую среду.

Международные договоры сыграли решающую роль в установлении рамок торговли углеродными кредитами и формировании ее эволюции. Эти соглашения служат основой глобального управления климатом, устанавливая цели, определяя механизмы и создавая правовые структуры, необходимые для функционального углеродного рынка. От Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИК ООН) до Киотского протокола и Парижского соглашения, каждый договор внес вклад в развитие и совершенствование систем углеродных кредитов.

Значимость этих международных соглашений выходит за рамки простого установления целевых показателей сокращения выбросов. Они устанавливают правила взаимодействия на углеродных рынках, определяют, что представляет собой действительный углеродный кредит, и создают механизмы мониторинга, отчетности и проверки. Более того, эти договоры сыграли важную роль в содействии международному сотрудничеству, содействии передаче технологий и продвижении практики устойчивого развития, которые необходимы для перехода к зеленой экономике.

Однако путь торговли углеродными кредитами не обошелся без проблем. Такие вопросы, как дополнительно (обеспечение того, чтобы сокращения выбросов были дополнительными к тому, что произошло бы без проекта углеродных кредитов), утечка (перемещение выбросов в области, не охваченные ценообразованием углерода) и справедливое распределение выгод, терзают углеродные рынки. Международные договоры должны были развиваться, чтобы решать эти проблемы, что привело к постоянным дебатам о наиболее эффективных способах структурирования и регулирования торговли углеродными кредитами.

В данной статье автор углубился в сложный ландшафт международных договоров, регулирующих торговлю углеродными кредитами, и их влияние на зеленую экономику. Изучая историческое развитие этих соглашений, анализируя их эффективность и изучая примеры успешных внедрений, автор стремится предоставить всестороннее понимание текущего состояния рынков углеродных кредитов и их потенциала для обеспечения устойчивого экономического роста.

Основные анализы и результаты. Регулирование торговли углеродными кредитами посредством международных договоров берет свое начало в Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИК ООН), принятой в 1992 году. Это нова-

торское соглашение заложило основу для будущих климатических переговоров и установило принцип «общей, но дифференцированной ответственности» среди стран в решении проблемы изменения климата [1]. Однако именно Киотский протокол, принятый в 1997 году и вступивший в силу в 2005 году, ввел конкретные механизмы торговли углеродными квотами и заложил основу для глобального углеродного рынка.

Киотский протокол установил три гибких механизма: торговлю выбросами, механизм чистого развития (МЧР) и совместное осуществление (СО). Эти механизмы были разработаны для того, чтобы помочь странам Приложения I (развитые страны и страны с переходной экономикой) достичь своих целей по сокращению выбросов, одновременно способствуя устойчивому развитию в странах, не входящих в Приложение I [2]. МЧР, в частности, стал краеугольным камнем международной торговли углеродными кредитами, позволяя развитым странам инвестировать в проекты по сокращению выбросов в развивающихся странах и получать взамен углеродные кредиты.

Несмотря на свой инновационный подход, Киотский протокол столкнулся со значительными проблемами. Соединенные Штаты, являющиеся крупным источником выбросов, так и не ратифицировали договор, а Канада вышла из него в 2011 году. Критики утверждали, что бинарное разделение протокола между странами, включенными в Приложение I, и странами, не включенными в Приложение I, не учитывает быстрый экономический рост и увеличение выбросов развивающихся экономик, таких как Китай и Индия [3]. Эти недостатки подчеркивают необходимость более инклюзивного и гибкого подхода к глобальному управлению климатом.

Парижское соглашение, принятое в 2015 году, ознаменовало собой смену парадигмы в международной климатической политике. В отличие от Киотского протокола, Парижское соглашение требует от всех стран устанавливать определяемые на национальном уровне вклады (NDC) для сокращения выбросов парниковых газов. Статья 6 соглашения предусматривает использование международных передаваемых результатов смягчения последствий (ITMO) для достижения NDC, фактически создавая основу для нового глобального углеродного рынка [4]. Однако операционализация статьи 6 оказалась спорной, и переговоры на последующих заседаниях Конференции сторон (КС) с трудом достигли консенсуса по ключевым вопросам, таким как избежание двойного учета сокращений выбросов и обеспечение экологической целостности.

Влияние этих международных договоров на углеродные рынки было глубоким, однако их эффективность в обеспечении значимых сокращений выбросов остается предметом споров. Исследование Кэмеса и других (2016) показало, что 85% проанализированных проектов МЧР имели низкую вероятность обеспечения экологической целостности, что поднимает вопросы о дополнительном сокращений выбросов, достигнутых с помощью этого механизма [5]. Такие выводы подчеркивают проблемы в разработке систем углеродных кредитов, которые действительно способствуют смягчению последствий изменения климата, избегая при этом порочных стимулов или непреднамеренных последствий.

Сравнительный анализ систем торговли квотами на выбросы углерода выявляет значительные различия в подходах и эффективности в разных странах и регионах. Система торговли квотами на выбросы Европейского союза (EUETS), запущенная в 2005 году, является крупнейшим в мире рынком углерода и послужила моделью для многих других систем ограничения и торговли квотами на выбросы. Несмотря на первоначальные проблемы, такие как чрезмерное распределение квот и волатильность цен, EUETS претерпела несколько реформ и способствовала сокращению выбросов в охватываемых секторах [6]. Однако критики утверждают, что влияние системы было ограничено низкими ценами на углерод и продолжающейся зависимостью от бесплатного распределения квот определенным отраслям.

Напротив, национальная схема торговли выбросами Китая, запущенная в 2021 году, использует другой подход, изначально сосредоточившись на секторе электроэнергетики и используя целевые показатели, основанные на интенсивности, а не абсолютные ограничения [7]. Это отражает статус Китая как развивающейся страны с быстрорастущей экономикой, подчеркивая необходимость гибкости в разработке углеродного рынка для учета различных национальных обстоятельств. Эффективность системы Китая в стимулировании сокращения выбросов и технологических инноваций еще предстоит увидеть, но ее масштаб – охватывающий около 4 миллиардов тонн выбросов CO2 в год – делает ее значимым игроком на мировых углеродных рынках.

Развивающиеся страны имеют неоднозначный опыт использования механизмов углеродных кредитов. В то время как МЧР направил миллиарды долларов в проекты устойчивого развития, были высказаны опасения по поводу неравномерного географического распределения проектов и ограниченных выгод устойчивого развития в некоторых случаях [8]. Индия и Бразилия были основными бенефициарами МЧР, но многие африканские страны испытывали трудности с привле-

чением проектов из-за ограниченного институционального потенциала и более высоких транзакционных издержек.

Влияние рынков углеродных кредитов на зеленый экономический рост многогранно. С одной стороны, ценообразование за выбросы углерода может стимулировать инновации в области чистых технологий и создавать новые рынки для товаров и услуг с низким содержанием углерода. Исследование Всемирного банка показало, что инициативы по ценообразованию за выбросы углерода покрыли около 22% мировых выбросов парниковых газов в 2021 году, что принесло 53 миллиарда долларов дохода [9]. Этот доход может быть реинвестирован в инфраструктуру чистой энергии, меры по повышению энергоэффективности и другие зеленые инициативы, способствуя экономическому росту и созданию рабочих мест в устойчивых секторах.

Однако связь между рынками углерода и экономическим ростом не является прямой. Критики утверждают, что ценообразование на углерод может привести к утечке углерода, когда отрасли с интенсивными выбросами перемещаются в юрисдикции с менее строгой политикой в области климата, что потенциально подрывает как экологические, так и экономические цели [10]. Задача заключается в разработке рынков углерода, которые эффективно сокращают выбросы, не ставя под угрозу экономическую конкурентоспособность или не усугубляя глобальное неравенство.

Исследования успешных инициатив по торговле углеродными кредитами дают ценную информацию о передовой практике и потенциальных подводных камнях. Региональная инициатива по парниковым газам (RGGI) на северо-востоке США получила высокую оценку за свою роль в сокращении выбросов в секторе электроэнергетики при одновременном создании экономических выгод. Исследование, проведенное Analysis Group, показало, что RGGI сгенерировала 1,4 млрд. долларов чистой экономической добавленной стоимости в регионе в период с 2015 по 2017 год [11]. Успех RGGI можно объяснить такими факторами, как четкие цели по сокращению выбросов, регулярные обзоры программ и стратегическое реинвестирование доходов от аукционов в программы повышения энергоэффективности и возобновляемой энергии.

Другим ярким примером является программа оплаты экологических услуг (PES) Коста-Рики, которая эффективно обратила вспять тенденции вырубки лесов и стала моделью для других тропических стран [12]. Программа, которая существовала еще до появления международных углеродных рынков, демонстрирует потенциал нацио-

нальных инициатив по дополнению и информированию глобальных механизмов углеродных кредитов.

Несмотря на эти истории успеха, сохраняются значительные проблемы в обеспечении соответствия и правоприменения в торговле углеродными кредитами. Отсутствие централизованного глобального органа по надзору за углеродными рынками привело к фрагментированному ландшафту с различными правилами и стандартами. Эта фрагментация может создавать возможности для регулятивного арбитража и затрудняет обеспечение экологической целостности углеродных кредитов в разных юрисдикциях [13].

Проблема двойного учета – когда одно и то же сокращение выбросов заявляют несколько сторон – была предметом особой озабоченности в ходе переговоров по статье 6 Парижского соглашения. Неспособность решить эту проблему на КС-25 в Мадриде подчеркнула сложность разработки надежного международного углеродного рынка, который поддерживал бы экологическую целостность, при этом учитывая различные национальные интересы [14].

Механизмы принуждения к несоблюдению обязательств по сокращению выбросов также оказались сложными для внедрения. Система соблюдения Киотского протокола, хотя и инновационная, не имела зубов на практике, и Канада не столкнулась с реальными последствиями своего выхода из договора [15]. Подход Парижского соглашения «назвать и позорить», полагающийся на прозрачность и давление со стороны коллег, а не на карательные меры, отражает трудности в обеспечении соблюдения обязательных положений в сфере международного экологического права.

Роль международных договоров в регулировании торговли углеродными кредитами была ключевой в формировании глобального ответа на изменение климата и содействии росту зеленой экономики. От новаторских механизмов Киотского протокола до более инклюзивного подхода Парижского соглашения эти договоры создали правовые и институциональные рамки, необходимые для развития углеродных рынков. Однако этот путь был полон проблем, подчеркивая сложность согласования различных национальных интересов с глобальными климатическими целями.

Сравнительный анализ систем торговли квотами на выбросы углерода в развитых и развивающихся странах выявляет спектр подходов, каждый из которых адаптирован к конкретным национальным обстоятельствам и приоритетам политики. В то время как некоторые системы, такие как EUETS, продемонстрировали потенциал рыночных механизмов для стимулирования сокращения выбросов, другие все

еще находятся в зачаточном состоянии, и их долгосрочное воздействие еще предстоит определить. Опыт этих различных систем подчеркивает важность гибких, адаптивных структур управления, которые могут развиваться в ответ на меняющиеся экономические и экологические условия.

Влияние рынков углеродных кредитов на зеленый экономический рост является значительным, но имеет свои нюансы. Хотя ценообразование на углерод имеет потенциал для стимулирования инноваций и инвестиций в чистые технологии, опасения по поводу конкурентоспособности и утечки углерода подчеркивают необходимость тщательной разработки политики и международной координации. Успешные инициативы, такие как RGGI и программа PES Коста-Рики, демонстрируют потенциал хорошо продуманных систем углеродных кредитов для получения как экологических, так и экономических выгод.

Однако проблемы обеспечения соответствия и правоприменения в торговле углеродными кредитами остаются существенными. Отсутствие единого глобального углеродного рынка и трудности в проверке сокращений выбросов через границы создают значительные препятствия для эффективности международных механизмов углеродных кредитов. Решение таких проблем, как двойной учет и создание надежных систем мониторинга, отчетности и проверки, будет иметь решающее значение для поддержания целостности и надежности углеродных рынков.

Поскольку мир продолжает бороться с неотложной необходимостью решения проблемы изменения климата, роль международных договоров в регулировании торговли углеродными кредитами останется критической. Будущие соглашения и механизмы должны основываться на уроках, извлеченных из прошлого опыта, стремясь к большей инклюзивности, гибкости и экологической целостности. Только посредством постоянного международного сотрудничества и инновационных политических подходов торговля углеродными кредитами может реализовать свой потенциал в качестве ключевого фактора перехода к устойчивой, низкоуглеродной глобальной экономике.

Список литературы:

1. United Nations. (1992). United Nations Framework Convention on Climate Change. New York: United Nations.
2. United Nations. (1998). Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change. Kyoto: United Nations.

3. Victor, D.G. (2011). Global Warming Gridlock: Creating More Effective Strategies for Protecting the Planet. Cambridge University Press.
4. United Nations. (2015). Paris Agreement. Paris: United Nations.
5. Cames, M., Harthan, R.O., Füssler, J., Lazarus, M., Lee, C.M., Erickson, P., & Spalding-Fecher, R. (2016). How additional is the Clean Development Mechanism? Analysis of the application of current tools and proposed alternatives. Öko-Institut e.V.
6. Ellerman, A.D., Marcantonini, C., & Zaklan, A. (2016). The European Union Emissions Trading System: Ten Years and Counting. Review of Environmental Economics and Policy, 10(1), 89-107.
7. Jotzo, F., & Löschel, A. (2014). Emissions trading in China: Emerging experiences and international lessons. Energy Policy, 75, 3-8.
8. Olsen, K.H. (2007). The clean development mechanism's contribution to sustainable development: a review of the literature. Climatic Change, 84(1), 59-73.
9. World Bank. (2021). State and Trends of Carbon Pricing 2021. Washington, DC: World Bank.
10. Naegele, H., & Zaklan, A. (2019). Does the EU ETS cause carbon leakage in European manufacturing? Journal of Environmental Economics and Management, 93, 125-147.
11. Hibbard, P.J., Tierney, S.F., Darling, P.G., & Cullinan, S. (2018). The Economic Impacts of the Regional Greenhouse Gas Initiative on Nine Northeast and Mid-Atlantic States. Analysis Group.
12. Porras, I., Barton, D.N., Miranda, M., & Chacón-Cascante, A. (2013). Learning from 20 years of Payments for Ecosystem Services in Costa Rica. International Institute for Environment and Development.
13. Michaelowa, A., Shishlov, I., & Brescia, D. (2019). Evolution of international carbon markets: lessons for the Paris Agreement. Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change, 10(6), e613.
14. Marcu, A. (2020). Article 6 rule book: A post-Madrid assessment. European Roundtable on Climate Change and Sustainable Transition.
15. Doelle, M. (2016). Compliance and Enforcement in the Climate Change Regime. In E.J. Techera, J. Lindley, K.N. Scott, & A. Telesetsky (Eds.), Routledge Handbook of International Environmental Law (pp. 471-484). Routledge.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОТИВОРЕЧИВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Комлев Максим Сергеевич
преподаватель
кафедры гражданского права,
Омский государственный университет
имени Ф.М. Достоевского,
РФ, г. Омск
E-mail: maksim-komlev@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье в целях раскрытия механизма действия норм Гражданского кодекса Российской Федерации проводится краткий анализ появления и развития категории противоречивого поведения, подходов к единству и противоречию человеческой природы и влияния этих взглядов на отношение правовой системы к изменению одной из сторон своей позиции. Автором на основе работ Аристотеля, Иммануила Канта, Карла Маркса, а также иных философов сделан вывод о том, что противоположность не всегда означает противоречие и сама природа действий и ориентиров человека носит двойственную природу. Предлагается в правоприменительной практике ориентироваться на философский смысл противоречия, определяющий, что, по общему правилу, противоречивое поведение является допустимым.

Ключевые слова: эстоппель, запрет противоречивого поведения, противоречие, свобода воли, противоположность.

В середине прошлого десятилетия в ГК РФ появились нормы, направленные на противодействие противоречивому поведению, но до сих пор отсутствуют единые правила их применения. Представляется, что причиной этого является использование в правовой системе понятий, изучение которых выходит за рамки правовой науки, при слабом внимании к наработкам иных областей знаний.

В силу этого правоведы в своих исследованиях часто ограничиваются общими формулировками о том, что противоречивое поведение само по себе не может быть порицаемо законом, так как является неотъемлемой частью человека, реализацией его автономии воли [1, с. 290], не раскрывая указанный тезис, не приводя обоснование неотъемлемости противоречия в поведении человека. В правоприменительной практике одновременно с этим встречаются противоположные пози-

ции, указывающие, что противоречивое поведение недопустимо, при этом обоснование этого также не приводится.

Представляется, что ориентиры для применения запрета противоречивого поведения способно дать изучение философских воззрений на категорию противоречия, его соотношение с иными понятиями.

Одна из первых попыток осмысления противоречия была предпринята Аристотелем в свете классификации видов движения. Противоречие интересовало философа в рамках взаимодействия с динамическими категориями: изменение, процесс, возникновение, уничтожение. Понятием, связывающим противоречие с динамическими категориями, по мнению Аристотеля, является «переход». При этом сам переход «указывает нечто после другого и, с одной стороны, предшествующее, с другой – последующее» [2, с. 162]. Именно сущность перехода и позволяет разделить между собой противоречие и противоположность [3, с. 92-96]. Первое представляет собой переход «из субстрата в не-субстрат, или из не-субстрата в субстрат», в результате которого уничтожается исходный объект и возникает новый (переход от возникновения к уничтожению), второе является движением от «субстрата в субстрат», при котором объект сохраняет изменения как целое, принимает новые характеристики [4, с.294-295].

Считаем уместным отметить, что выработанное Аристотелем разграничение противоположности и противоречия уже оказало влияние на право, в частности, именно на нем было основано деление вещей на движимые и недвижимые в римском праве, перешедшее в европейское и отечественное гражданское право. Как указывает Р.С. Бевзенко, классическое понимание земельного участка как единственной недвижимой вещи уходит корнями в философию Аристотеля. Под движением он понимал любое изменение, а не только перемещение объекта в пространстве, в таком случае здания, строения не могут быть признаны недвижимостью, так как в рамках своего существования их свойства меняются (разрушаются, ремонтируются). Земельный участок в рамках своего существования не меняется, не приобретает новых свойств даже в случае землетрясений или наводнений, оставаясь фигурой идеальной [5].

Вновь возвращаясь к исследуемому вопросу, отметим, что ключевыми категориями для выявления смысла категории противоречия являются возникновение и уничтожение, а также изменение. Если возникновение и уничтожение – это процессы, описываемые в терминах старого и нового родового понятия объекта, то изменение появляется в терминах смены видовых характеристик объектов, т.к. является упорядоченным во времени переходом от одного состояния объекта к ново-

му состоянию того же самого объекта. В первом случае «изменяются целые и не остается воспринимаемого чувствами субстрата», во втором – «воспринимаемый чувствами субстрат, оставаясь тем же, меняется в своих свойствах» [2, с. 388-394]. Уже из этого следует, что по Аристотелю не любой переход из одного состояния в другое обязательно влечет наличие противоречия, в некоторых случаях переход лишь изменяет внешнее состояние объекта, сохраняя его субстрат.

Близкими к аристотелевским являются взгляды Канта. Он отмечает, что существуют различные процессы: процессы изменения, становления, преобразования, – но, только если они затрагивают субстрат, познающий воспринимает их через противоречия [6, с. 254-255]. Если же изменяются акциденции, то противоречие отсутствует, так как не происходит изменение субстрата.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс отмечали, что противоположные стороны, моменты и тенденции в составе целого, взаимодействие которых образует противоречие, не даны извечно в готовом и неизменном виде. Процесс возникновения различий и противоположностей имеет несколько ступеней. На первоначальной ступени, существуя ещё в возможности, противоречие выступает как тождество, содержащее несущественное различие. Следующая стадия – существенное различие в тождестве: при общей основе в объекте имеются существенные свойства, тенденции, не соответствующие друг другу. Существенное различие превращается в противоположности (наибольшее различие, полярность, антагонизм), которые, взаимоотрицая друг друга, перерастают в противоречия. Маркс отмечал: «Сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения» [7, с. 136], то есть противоречие – не всякое различие, а различие, достигшее своего высшего уровня.

Иными словами, философия последовательно придерживается позиции о разграничении между собой изменения и противоречия, разница эта проходит в степени сохранения объекта при его видоизменении. Явление может в процессе своего существования развиваться и меняться, но если это не затрагивает его базовые основы, субстрат или качественные характеристики, то оно не переходит в противоречивое состояние, а остается тем же явлением.

Усвоение данного разграничения российской правовой системой имеет, на взгляд автора, важное значение. Во-первых, различение изменения и противоречия означает, что не всякое изменение позиции стороной в суде будет являться основанием для применения запрета противоречивого поведения. Запрет противоречивого поведения мо-

жет быть применен лишь когда позиция стороны меняет свою сущность. В настоящий момент суды, не углубляясь в различие понятий «изменение» и «противоречие», негативно относятся к любому видоизменению позиции стороной спора.

Во-вторых, правильное разрешение вопроса о разграничении изменения и противоречия способствует реализации принципа правовой определенности, так как разводит между собой действие схожих механизмов – запрета противоречивого поведения и злоупотребления правом. Если позиция стороны после трансформации сохраняет свой субстрат, основу, то противоречие отсутствует, не может из-за этого быть применен и запрет противоречивого поведения, но это не исключает возможности при определенных обстоятельствах пресечь изменение внешних атрибутов позиции злоупотреблением правом.

В-третьих, признание того, что изменение позиции и противоречия, как представляется, способно увеличить рамки свободы в поведении субъектов гражданских отношений, повысит уровень защищенности их прав, так как позволит корректировать свои действия с учетом изменяющихся внешних обстоятельств без риска формального блокирования такого изменения судом.

Определив, что не всякое изменение есть противоречие, а также выявив значение этого разграничения для правовой системы, считаем возможным перейти к следующему шагу – к рассмотрению тезиса о том, что противоречивое поведение само по себе является допустимым, так как заложено в самой человеческой природе.

Вопрос о допустимости противоречивого поведения в настоящее время является спорным. Например, Верховный Суд Российской Федерации определяет, что единственным элементом, необходимым для запрета противоречивого поведения является само противоречивое поведение [8], но иные суды считают, что не всякое противоречивое поведение должно вызывать реакцию со стороны закона, а лишь недобросовестное противоречивое поведение [9]. Комментируя вторую позицию, стоит отметить, что иногда суды выделяют иные обстоятельства, свидетельствующие о недопустимости запрета противоречивого поведения, наличие ущерба у другой стороны, подрыв доверия, не вдаваясь в оценку правильности этого взгляда, отметим, что ключевым является тот факт, что противоречивое поведение в этом случае считается недопустимым лишь при наличии определенных обстоятельств.

Представляется, что внести ясность способен ответ на вопрос о том, является ли противоречие врожденной чертой природы человека. В этом вновь автору способны помочь философские трактаты, разрабатывающие данную проблему.

Е.С. Улевич отмечает, что идея противоречивой природы человека – одна из немногих, признаваемая если не всеми, то большинством, при этом данная точка зрения распространена не только в философии, но и в религии [10, с. 196].

Позицию о двойственном начале человека можно увидеть в воззрениях Иринея Лионского, который выделял телесное и духовное в человеке. Однако телесное не оценивалось им негативно, что приводило к выводам о целостном понимании личности, в котором телесное и духовное находились в гармоничном единении. [12]

Однако О.В. Чистякова, анализируя положения раннего христианства, отмечает, что ветхозаветный образ априори предполагал существование и обоснование противоречивой сущности человека: одна сторона личности дарована богом и основана на его прообразе, но другая является противоположностью первой, стремится отодвинуть человека от бога [11, с. 653]. Иными словами, христианство исходит из того, что поведение человека строится по двум разнонаправленным моделям, которые условно можно назвать положительной и отрицательной. Более того, Григорий Нисский отмечал, что такая двойственность устроена творцом специально, так более явственно проявляется высокое предначертание человека. При этом первоначально человек был един, но первое грехопадение определило разделение природы человека, выделение в нём индивидуальности. Свободный выбор человека поведет его либо по пути приобщения к всеединству и попытке возврата, либо развернет в сторону индивидуального и страстного. При этом оба этих принципа содержатся в человеке на протяжении всей его жизни.

Вслед за отходом от религиозных представлений о природе личности представляет интерес рассмотреть воззрения Н.А. Бердяева. По его мнению, человек является двойственным и противоречивым существом, существом в высшей степени поляризованным. При этом существование личности предполагает свободу, но эта свобода не является свободой воли, а представляет собой свободу выбора, которая предполагает рационализацию. Интересным представляется акцент Н.А. Бердяева на том, что свобода выбора должна иметь рациональные начала. Такой подход объясняется тем, что личность есть свобода и независимость человека в отношении к природе, обществу, государству, но она не заключена лишь в эгоистическом самоутверждении, тем самым отличается от другой стороны человека – индивидуума.

Главной идеей, изложенной в проанализированных трудах, является признание свободы человека в выборе своего поведения. Признание возможности за человеком свободного выбора уже само по себе,

как представляется, означает невозможность заранее признавать недопустимой ту или иную модель поведения, в том числе если она противоречит предшествующему поведению, оценка поведению дается в зависимости от результатов. Представляется, что с этим можно согласиться, так как занятие противоречивой позиции может не только вредить гражданскому обороту, но и, наоборот, в определенных обстоятельствах приводить к усилению правопорядка, например, если первоначальное поведение противоречило закону.

На основе этого можно сделать вывод о правильности позиции, указывающей, что само по себе противоречивое поведение не может преследоваться правом. Противоречие заложено в самой природе человека, оно неразрывно связано со свободой выбора и автономии воли субъекта гражданских отношений, ограничение которых в силу их основополагающего характера для правоотношений возможно лишь при наличии серьезных политико-правовых оснований. Таким образом, считаем, что запрет противоречивого поведения применим не при любом противоречивом поведении, а только при таком, которое несет негативные последствия для иных субъектов или гражданского оборота в целом.

Список литературы:

1. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики, 2-е изд. – М.: М-Логос, 2023. – С. 388.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1981. Т. 3. – С. 613.
3. Зудикова Ю.В., Романова Е.Н. О природе противоречий // Філософія людини: Природа. Суспільство. Наука. Збірка філософських праць молодих вчених Донецького національного технічного університету. – Донецьк: ДонНТУ. 2008. – С. 92-96.
4. Аристотель. Собрания в 4 т. – М.: Мысль, 1976. Т. 1. – С. 550.
5. Бевзенко Р.С. Что общего между «Физикой Аристотеля» и недвижимой вещи // ВКонтакте – социальная сеть – URL: https://vk.com/id1277771?w=wall1277771_1093 (дата обращения 22.09.2024).
6. Кант И. Сочинения в шести томах. – М.: Мысль, 1964. Т.3. – С.799.
7. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Государственное издательство политической литературы, 2 изд., Т. 20. – С. 858.
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2020 г. по делу № А27-5147/2019. Доступ из СПС «Консультант Плюс».URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=620616&ysclid=m1dam5oqw8872057322#ybcX5PU0SCClO50O1 (дата обращения 22.09.2024).

9. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.05.2021 г. № Ф04-2100/2021 по делу № А75-867/2020. Доступ из СПС «Консультант Плюс».URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=175337&cacheid=23503232C72EE6D0445D59924E489726&mode=splus&rnd=UZcX5PUGYX5vsH931#xa4Y5PU8k5hivFSa2 (дата обращения 22.09.2024).
10. Улевич Е.С. Противоречивая природа человека и её отражение в философских концепциях // Омские социально-гуманитарные чтения. – 2016. Материалы IX Международной научно-практической конференции. – С. 196-199.
11. Чистякова О.В. Восточная патристика о противоречивости человека и обóжении человечества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2022. – № 4. – С.650-661.
12. Федченков С.А. Святой Ириней Лионский URL: https://azbyka.ru/otechnik/Irinej_Lionskij/svjatoj-irinej-lionskij-ego-zhizn-i-literaturnaja-dejatelnost/ (дата обращения 22.09.2024).
13. Святитель Нисский Григорий Об устроении человека URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/ob_ustroenii_cheloveka/ (дата обращения 22.09.2024).

ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Шаповалова Диана Леонидовна
аспирант,
Ростовский государственный
экономический университет,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: Schapovalova.diano4ka@ya.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится анализ современных аспектов функционирования контрактной системы в Российской Федерации и в некоторых иностранных государствах. Автором исследуются основные положения отечественного и иностранного законодательства в части регулирования порядка и условий размещения и исполнения заявок на поставку товаров, работ и услуг для удовлетворения государственных и муниципальных нужд; выделяются общие и отличительные черты российской и зарубежной контрактной системы.

ABSTRACT

This article analyzes the modern aspects of the functioning of the contract system in the Russian Federation and in some foreign countries. The author examines the main provisions of domestic and foreign legislation regarding the regulation of the procedure and conditions for the placement and execution of applications for the supply of goods, works and services to meet state and municipal needs; highlights the common and distinctive features of the Russian and foreign contract system.

Ключевые слова: закупка, поставка, товар, работа, услуга, государственные нужны, муниципальные нужды, контрактная система.

Keywords: purchase, delivery, goods, work, service, government needs, municipal needs, contract system.

Контрактная система известна не только Российской Федерации, но и некоторым иностранным государствам [3, с. 108-113]. Государственные закупки в иностранных государствах на протяжении длительного времени в зависимости от установленного правопорядка признаются не только неотъемлемым механизмом экономического развития, но и одним из основных способов обеспечения потребностей государства. Государственные закупки на практике позволяют не только обеспечить вовлеченность населения в процесс государственного управления, но и гарантировать сохранение баланса «цена-

качество» при удовлетворении государственных нужд в товарах, работах, услугах [13, с. 101-104].

Стабильно прогрессивное и существенное развитие института государственных (муниципальных) закупок осуществляется, в основном, в экономически развитых странах [12, с. 243-245]. Например, интересным при проведении сравнительного анализа представляется опыт осуществления государственных закупок в США. «Особое практическое значение в указанном иностранном государстве имеют федеральные закупки, правовое регулирование которых осуществляется посредством применения федерального законодательства. Организационная структура механизма государственных закупок в США включает в себя не только правовую основу государственных закупок, но и их субъектов, порядок осуществления заказов и поставок, порядок осуществления контроля за законностью государственных закупок и соблюдение прав их участников и т.д.» [2, с. 33-36]. «Основой развития контрактной системы в США стал тот факт, что в процессе реализации своих функций государственные органы были вынуждены решать проблему материально-технического обеспечения, а, следовательно, максимально рационального использования имеющихся ресурсов. Приобретение необходимых товаров, работ и услуг в США осуществляется посредством проведения конкурсных торгов, таким образом, обеспечивая защиту краеугольного принципа рыночной экономики – конкуренции. Конкурсный механизм, особенно при закупках в значительных объемах, позволяет снизить стоимость закупаемых товаров для государственных нужд, обеспечить уровень прозрачности и подконтрольности процесса закупки и в конечном итоге противостоять коррупции» [11, с. 39-43]. При проведении сравнения американской и российской контрактной системы необходимо отметить следующее. Одной из схожих черт указанных контрактных систем в настоящее время является правовое регулирование. В частности, при проведении данного исследования было установлено, что закупки в США могут осуществляться как на государственном, так и на муниципальном (уровне штатов) уровнях. Подобный порядок организации государственных (муниципальных) закупок довольно схож с российской контрактной системой, в рамках которой закупки могут осуществляться как на уровне федерации, так и на уровне ее субъектов [19, с. 19-23]. Правовое регулирование контрактной системы в России и США осуществляется посредством применения правовых положений федерального и регионального законодательства (в США, как и в Российской Федерации, штаты имеют право принимать специальные нормативные правовые акты, направленные на регулирование общественных отношений в сфере закупок, при этом соответствующие нормативные пра-

вовые акты не должны противоречить федеральному законодательству). Схожей чертой применительно к американской и российской контрактной системе является то обстоятельство, что и в США, и в России функционирование указанной системы обеспечивается не только для удовлетворения государственных (муниципальных) нужд, но и для поддержания конкуренции в рамках рыночной экономики [10, с. 427-428]. Органами исполнительной власти США ежегодно предпринимаются специальные меры, направленные на оказание государственной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства, в том числе посредством привлечения их к процессу поставок товаров, работ и услуг для государственных (муниципальных) нужд; совершенствуется федеральное и региональное законодательство, в том числе в части обеспечения доступности субъектов малого и среднего предпринимательства к государственным закупкам, в части определения мер ответственности за нарушение ключевых принципов контрактной системы и т.д. [12, с. 243-245]

Схожим с российским порядком также является американский порядок организации и проведения торгов для поставок товаров, работ, услуг в целях удовлетворения муниципальных нужд. В частности, в настоящее время осуществление закупок в США обеспечивается посредством организации торгов; принимать участие в торгах могут субъекты малого и среднего предпринимательства, осуществляющие зарегистрированную в установленном порядке экономическую деятельности; поставки товаров, работ, услуг для удовлетворения государственных (муниципальных) нужд осуществляются на основании заключаемого между уполномоченным государственным органом и субъектом предпринимательства контракта. «Законодательство США предусматривает четыре вида моделей: контракты твердой цены; контракты возмещения затрат; результативные контракты, которые предусматривают, что цена контракта фиксирована, однако подрядчик имеет возможность возместить некоторые затраты дополнительно к фиксированной цене; контракты комплексного поощрения, при которых используется формула цены, учитывающая, как минимум, четыре параметра – затраты, норму прибыли, объемные и качественные характеристики поставляемого товара, сроки предоставления результата» [11, с. 39-43]. Для организационного обеспечения государственных закупок в США функционирует специальная автоматизированная система – FAAPS (Прогнозная система предварительных планов закупок). Данная система в автоматическом режиме позволяет спланировать и осуществить государственные закупки в зависимости от потребностей государства и условий экономического развития [1, с. 66-94].

Таким образом, на основании вышеизложенного необходимо отметить, что российская и американская контрактные системы имеют довольно большое количество схожих правовых и организационных черт. Полагаем, что данное обстоятельство может быть обусловлено наличием в настоящее время на международном уровне определенных стандартов государственных закупок, а также международным обменом в сфере контрактной системы. Основным отличием двух указанных систем является совокупность органов, уполномоченных организовывать и проводить торги с целью обеспечения поставок товаров, работ и услуг. В частности, Государственным органом, непосредственно осуществляющим закупки для нужд федеральных ведомств Соединенных Штатов, выступает Администрация общих услуг. В Российской Федерации торги по поставке товаров, работ и услуг фактически могут быть организованы тем органом, в интересах которого требуется осуществление поставки. Таким образом, на основании вышеизложенного следует отметить, что российская и американская контрактные системы довольно схожи между собой, что может быть обусловлено несколькими факторами: единство международного регулирования контрактной системы, стандартизированность доктринального понимания контрактной системы, а также распространение экономического опыта ведущих в сфере экономики стран по другим государствам.

Одним из экономически развитых государств, активно использующих контрактную систему для удовлетворения государственных и муниципальных нужд, является Китай. В настоящее время «в Китае сформирована определенная правовая основа для регулирования взаимоотношений в рамках функционирования контрактной системы. Стоит отметить, что государственные закупки в Китае регулируются законами Bidding Law (BL) и Government Procurement Law (GPL)» [14, с. 151-157]. Законодательство о контрактной системе в Китае стало формироваться еще в 2002 году, что свидетельствует о достаточно высоком уровне развития данного иностранного государства и раннем налаживании им торгово-экономических отношений с представителями общества. Схожими чертами контрактной системы в Российской Федерации и Китае следует считать: осуществление правового регулирования процесса закупок на федеральном и региональном уровнях; формирование единого электронного ресурса (сайта), посредством использования которого обеспечивается автоматизированный процесс размещения и выполнения заявок на поставку товаров / работ / услуг для государственных и муниципальных нужд. Необходимо также отметить, что к настоящему времени «государственные закупки в Китае имеют свою специфику, заключающуюся в том, что они используются для снижения зависимости национальных производителей от конъ-

юнктуры мировых финансовых рынков. Китай жестко регламентирует формы участия иностранного капитала в национальной экономике и вместе с тем обеспечивает открытость зарубежным странам относительно потоков ресурсов и товаров» [8, с. 21-23].

Таким образом, можно отметить, что отличительной чертой контрактной системы Китая является установление преимуществ экономической деятельности для отечественного производителя и соответствующих ограничений по поставке товаров, работ, услуг для иностранных производителей. Данное обстоятельство, полагаем, является практически оправданным, так как Китай на протяжении довольно длительного времени занимает первые строчки в списке экономически развитых стран, что обуславливает возможность эффективного привлечения для государственных и муниципальных закупок отечественных производителей; привлечение в контрактную систему иностранных поставщиков, учитывая современную геополитическую обстановку, способно подорвать обороноспособность и безопасность Китая.

Применение системы государственных и муниципальных закупок (в зависимости от территориального устройства государства) также активно осуществляется в странах Европейского Союза. Следует отметить, что практически с 1950-х годов в соответствующих иностранных государствах осуществляется формирование правовой основы контрактной системы. Спецификой правового регулирования процесса осуществления закупок для удовлетворения государственных и муниципальных нужд можно считать активное применение норм международного законодательства, а также двусторонних договоров между отдельными государствами по вопросам осуществления поставок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд иностранными производителями [7, с. 37-39]. Основными принципами функционирования контрактной системы в государствах ЕС необходимо считать: свободное передвижение товаров / работ / услуг, свободу экономической деятельности на территории государства, запрет на дискриминацию при обеспечении функционирования контрактной системы. Основными схожими чертами контрактной системы в Российской Федерации и странах Европейского Союза предлагается считать: отсутствие кодифицированного законодательства по вопросам осуществления поставок для удовлетворения государственных и муниципальных нужд; обеспечение функционирования контрактной системы посредством создания специального электронного ресурса (сайта) для размещения заявок и проведения торгов; осуществление поставок для удовлетворения государств и муниципальных нужд при свободе экономической деятельности, на равных началах, индивидуальными и коллективными субъектами. К отличительным чертам контрактной системы в

Российской Федерации и странах Европейского Союза следует, прежде всего, отнести содержание источников правового регулирования, совокупность принципов контрактной системы, перечень субъектов и объектов указанной системы. При этом также следует отметить, что в станах ЕС основным критерием для выбора поставщика при заключении контрактов на поставку товаров, работ, услуг для удовлетворения государственных или муниципальных нужд является цена.

Таким образом, на основании вышеизложенного необходимо отметить, что в настоящее время применение контрактной системы осуществляется не только в Российской Федерации, но и во многих иностранных государствах. Специфика государственной контрактной системы определяется несколькими факторами, среди которых: уровень и приоритеты экономического развития конкретного государства; основные принципы экономической деятельности на территории государства; совокупность уровней осуществления закупок и т.д.

Список литературы:

1. Анчишкина О.В. Планирование государственных закупок: опыт ФКС США для развития контрактных отношений в Российском госзаказе // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2011. № 1. С. 66-94.
2. Гарибовок Т.К. Оглы Сравнительный анализ правового регулирования государственных закупок в России и США // Хроноэкономика. 2022. № 4 (38). С. 33-36.
3. Герасименко А.А. История формирования и развития института государственных закупок в России и за рубежом: сравнительно-правовой аспект // Теология. Философия. Право. 2021. № 2 (16). С. 108-113.
4. Винокурцева Е.А. Опыт зарубежных стран в осуществлении закупок товаров, работ, услуг: аналитический обзор // Экономика, управление, финансы : материалы X Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, октябрь 2019 г.). – Краснодар : Новация, 2019. С. 9-18.
5. Коношко Л.В. Зарубежный опыт организации государственных закупок // Сборник материалов IV международной научно-практической конференции «Экономика и управление: проблемы, тенденции, перспективы развития». 2016. С. 27-30.
6. Кошкина А.К. Некоторые особенности зарубежного опыта государственных (муниципальных) закупок // Столыпинский вестник. 2023. № 11. С. 5410-5415.
7. Крадинов П.Г. Система государственных закупок в ЕС и подходы к оценке ее эффективности // Финансовый журнал. 2013. № 3. С. 37-39.
8. Курушина Д.Е. Международный опыт функционирования контрактных систем государственных закупок на примере Китая // Актуальная наука. 2019. № 5 (22). С. 21-23.

9. Ланьшина Т.А. Проблемы сохранения конкурентоспособности национальной инновационной системы США // Россия и Америка в XXI веке. Электронный журнал. 2014. № 1. С. 23-37.
10. Паулов П.А., Понамаренко С.С. Актуальные проблемы государственного регулирования в сфере закупок // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 8 (16). С. 427-428.
11. Пестикова Т.А. Функционирование контрактной системы в сфере закупок для обеспечения государственных нужд в США // Актуальные исследования. – 2019. – № 2. – С. 39-43.
12. Плеханова А.И. Мировой опыт системы государственного заказа // Молодой ученый. 2021. № 15 (357). С. 243-245.
13. Пономарева О.В. Государственные закупки как инструмент торговой политики в развивающихся странах // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 9. С. 101-104.
14. Проданова Н.А., Зацаринная Е.И. Особенности системы государственных закупок в Китае // Экономика, предпринимательство и право. 2015. № 5 (3). С. 151-157.
15. Пузырев С.А., Солукова А.А. Анализ механизма регулирования государственных закупок в Европейском Союзе // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 263-267.
16. Пучков А.П. Регулирование государственных закупок в праве Европейского союза: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Пучков Александр Павлович. – М., 2018. – 192 с.
17. Семенова Ф.З., Борлакова М.Б., Боташева Л.С. Зарубежный опыт организации государственных закупок // Фундаментальные исследования. 2016. №6-2. С. 465-469.
18. Сирота А.А. Зарубежный опыт организации государственных закупок // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2019. Т. 3. № 11. С. 229-233.
19. Стародубова В.С. Сравнительный анализ организации государственных закупок в Российской Федерации и США // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4. С. 19-23.
20. Цзя Сюедун Государственные закупки Китая как объект логистизации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. С. 158-164.
21. Шевченко Л.И., Григорян Т.Р. Правовое регулирование государственных закупок в России и США: сравнительный анализ // Российская юстиция. 2020. № 8. С. 28-30.

СЕКЦИЯ

«ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО»

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И РОЛЬ ФИНТЕХА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РОСТЕ

Сарабеков Аъзамжон Абдукадирович
соискатель
Ташкентского государственного
юридического университета,
Узбекистан, г.Ташкент
E-mail: infolaw.uz@gmail.com

DIGITALIZATION OF THE FINANCIAL SECTOR: LEGAL FOUNDATIONS AND THE ROLE OF FINTECH IN ECONOMIC GROWTH

Azamjon Sarabekov
Researcher
of the Tashkent State
University of Law,
Uzbekistan, Tashkent

АННОТАЦИЯ

В этой статье рассматривается глубокое влияние цифровизации на финансовый сектор с особым акцентом на правовые основы, лежащие в основе финансовых технологий (финтех), и их значительную роль в стимулировании экономического роста. В исследовании изучается сложное взаимодействие между технологическими инновациями, нормативно-правовыми базами и экономическим развитием в быстро меняющемся ландшафте цифровых финансов. Благодаря всестороннему анализу глобальных нормативных подходов, новых технологий и их экономических последствий это исследование подчеркивает проблемы и возможности, предоставляемые цифровой трансформацией финансовых услуг. Результаты подчеркивают критическую важность создания надежных, но гибких правовых рамок для содействия инно-

вациям в сфере финтех, обеспечивая при этом финансовую стабильность, защиту потребителей и инклюзивный экономический рост.

ABSTRACT

This article examines the profound impact of digitalization on the financial sector, with a particular focus on the legal foundations underpinning financial technology (fintech) and its significant role in driving economic growth. The study explores the complex interplay between technological innovation, regulatory frameworks, and economic development in the rapidly evolving landscape of digital finance. Through a comprehensive analysis of global regulatory approaches, emerging technologies, and their economic implications, this research highlights the challenges and opportunities presented by the digital transformation of financial services. The findings underscore the critical importance of establishing robust yet flexible legal frameworks to foster fintech innovation while ensuring financial stability, consumer protection, and inclusive economic growth.

Ключевые слова: Fintech, цифровизация, финансовый сектор, правовые рамки, экономический рост, регулирование, блокчейн, цифровые валюты, финансовая инклюзивность

Keywords: Fintech, digitalization, financial sector, legal frameworks, economic growth, regulation, blockchain, digital currencies, financial inclusion

Цифровая трансформация финансовых услуг открыла новую эру инноваций, эффективности и доступности в глобальном финансовом ландшафте. На переднем крае этой революции находится растущий сектор финтеха, который быстро превратился из нишевой отрасли в фундаментальный двигатель изменений в том, как финансовые услуги задумываются, предоставляются и потребляются. Эта трансформация характеризуется появлением цифровых валют, технологии блокчейн, платформ однорангового кредитования, робо-советников и множества других инновационных финансовых продуктов и услуг, которые изменяют традиционные банковские и финансовые парадигмы [1].

Рост финтеха был просто стремительным. Глобальные инвестиции в финтех-компании резко возросли, достигнув 137,5 млрд долларов в 2019 году, что подчеркивает огромный потенциал сектора и уверенность инвесторов в его будущем росте [2]. Этот всплеск финтехактивности – не просто технологический феномен, но и ответ на меняющиеся ожидания потребителей, потребность в большей финансовой инклюзивности и стремление к более эффективным и экономичным финансовым услугам.

Однако быстрые темпы инноваций в секторе финтеха опередили развитие нормативно-правовой базы, создав сложную среду, в которой предостаточно правовых и нормативных проблем. Важность создания прочных правовых основ для поддержки инноваций в сфере финтеха невозможно переоценить. Эти структуры должны устанавливать тонкий баланс между содействием инновациям и защитой потребителей, обеспечением финансовой стабильности и сохранением целостности финансовой системы [3].

Правовые проблемы многогранны, начиная от вопросов конфиденциальности и безопасности данных и заканчивая нормативной классификацией новых финансовых продуктов и услуг. Более того, глобальный характер многих финтехинноваций требует скоординированного международного подхода к регулированию, что добавляет еще один уровень сложности к, и без того, запутанному правовому ландшафту [4].

Целью данной статьи является комплексный анализ правовых основ, лежащих в основе сектора финтеха, и его роли в стимулировании экономического роста. Изучая подходы к регулированию в основных финансовых центрах, исследуя влияние ключевых технологий, таких как блокчейн и цифровые валюты, и оценивая экономические последствия инноваций в сфере финтеха, автор стремится внести свой вклад в продолжающийся дискурс о том, как наилучшим образом использовать потенциал цифровых финансов для устойчивого экономического развития.

Нормативно-правовая среда для финтеха характеризуется сложным взаимодействием проблем, связанных с финансовой стабильностью, защитой прав потребителей и продвижением инноваций. Регулирующие органы по всему миру сталкиваются с проблемой создания структур, которые были бы достаточно гибкими, чтобы приспосабливаться к быстрым технологическим изменениям, и в то же время достаточно надежными, чтобы предотвращать системные риски и защищать потребителей.

В Соединенных Штатах подход к регулированию финтеха был несколько фрагментарным, и несколько агентств участвовали в надзоре за различными аспектами сектора. Управление контролера денежного обращения (OCC) предприняло шаги по продвижению финтехинноваций посредством своей инициативы «ответственных инноваций» и предложенной специальной национальной банковской хартии для финтехкомпаний [5]. Однако этот подход столкнулся с юридическими проблемами, о чем свидетельствует дело Lacewell против Управления контролера денежного обращения, в котором федеральный суд поста-

новил, что ОСС не имеет полномочий выдавать банковские чартеры финтехкомпаниям, которые не принимают депозиты [6]. Это постановление подчеркивает правовую неопределенность, окружающую регулирование финтеха в США, и необходимость более четких законодательных указаний.

Европейский союз принял более унифицированный подход с внедрением пересмотренной Директивы о платежных услугах (PSD2), которая направлена на создание более интегрированного и эффективного европейского рынка платежей [7]. PSD2 вводит новые типы платежных услуг и поставщиков, такие как поставщики услуг по предоставлению информации об учетных записях (AISP) и поставщики услуг по инициированию платежей (PISP), в нормативную базу. Хотя PSD2 хвалили за содействие конкуренции и инновациям в секторе финансовых услуг, ее реализация не обошлась без проблем. Вопросы, связанные со стандартизацией API и потенциалом увеличения рисков кибербезопасности, вызвали обеспокоенность у заинтересованных сторон отрасли [8].

Роль цифровых валют и технологии блокчейн в преобразовании финансовых услуг невозможно переоценить. Эти технологии обладают потенциалом для революционных преобразований платежных систем, управления активами и финансового посредничества. Однако они также создают значительные проблемы регулирования. Например, правовой статус криптовалют сильно различается в разных юрисдикциях, что создает неопределенность как для предприятий, так и для потребителей [9].

Усилия Европейского центрального банка по разработке цифрового евро являются примером сложных правовых и экономических соображений, связанных с цифровыми валютами центральных банков (CBDC). Хотя CBDC могут улучшить передачу денежно-кредитной политики и способствовать финансовой инклюзивности, они также поднимают вопросы о конфиденциальности, потенциальном отказе коммерческих банков от посредничества и последствиях для трансграничных транзакций [10].

Сравнительный анализ финтехрегулирования в основных мировых финансовых центрах выявляет различные подходы к балансировке инноваций и снижению рисков. Сингапур, часто называемый финтех-хабом, занял проактивную и поддерживающую позицию регулирования. Денежно-кредитное управление Сингапура (MAS) внедрило такие инициативы, как регуляторные песочницы и схема технологий и инноваций финансового сектора (FSTI) для содействия финтехинновациям

[11]. Этот подход способствовал становлению Сингапура как ведущей финтехэкосистемы, привлекающей значительные инвестиции и таланты.

Великобритания, еще один известный центр финтеха, также приняла проинновационный подход к регулированию. Проект Innovate Управления по финансовому поведению (FCA) и регуляторная песочница сыграли важную роль в поддержке финтехстартапов и продвижении Великобритании как мирового лидера финтеха [12]. Однако выход Великобритании из Европейского союза внес новые неопределенности, особенно в отношении будущего прав паспортизации для британских финтехкомпаний, работающих в ЕС.

Влияние финтеха на традиционные банковские учреждения и финансовую систему в целом было глубоким. Финтехкомпании бросают вызов устоявшимся бизнес-моделям, заставляя традиционные банки адаптироваться и внедрять инновации. Рост числа цифровых банков или «необанков», таких как Revolut, N26 и Chime, оказал давление на традиционные банки, заставив их улучшить свои цифровые предложения и клиентский опыт [13].

Этот сбой не обошелся без споров. Крах Wirecard, когда-то считавшийся примером успеха немецкого финтеха, в 2020 году выявил существенные недостатки в регулирующем надзоре и поднял вопросы о рисках, связанных с быстрым ростом финтеха [14]. Скандал с Wirecard подчеркивает необходимость надежных нормативных рамок, которые могут идти в ногу с меняющимся ландшафтом финтеха и обеспечивать адекватный надзор как за традиционными, так и за новыми поставщиками финансовых услуг.

Роль финтеха в продвижении финансовой инклюзивности и поддержке экономического роста является ключевой областью внимания как для политиков, так и для заинтересованных сторон отрасли. Инновации финтеха имеют потенциал для расширения финансовых услуг для недостаточно обслуживаемого населения, особенно в развивающихся странах. Платформы мобильных денег, такие как M-Pesa в Кении, продемонстрировали преобразующий потенциал цифровых финансовых услуг в продвижении финансовой инклюзивности и стимулировании экономического развития [15].

Однако связь между финтехом и финансовой инклюзивностью не является прямой. Хотя цифровые финансовые услуги могут снизить барьеры для доступа, они также могут усугубить существующее неравенство, если не внедряются продуманно. Такие вопросы, как цифровая грамотность, доступ к технологиям и защита прав потребителей, должны быть решены, чтобы гарантировать, что финтехинновации

действительно служат потребностям населения, не охваченного банковскими услугами [16].

Экономическое влияние финтеха выходит за рамки финансовой инклюзивности. Инновации в сфере финтеха обладают потенциалом для повышения эффективности финансового посредничества, снижения транзакционных издержек и улучшения распределения капитала в экономике. Исследование Международного валютного фонда показывает, что страны с более высокими показателями внедрения финтеха, как правило, испытывают более быстрый экономический рост, хотя эта взаимосвязь сложна и зависит от различных факторов [17].

Регулирование финтеха представляет собой несколько ключевых правовых проблем, включая предотвращение мошенничества, защиту конфиденциальности данных и управление трансграничными транзакциями. Децентрализованная и часто безграничная природа многих финтех-инноваций усложняет традиционные подходы к регулированию. Например, рост платформ децентрализованного финансирования (DeFi), которые работают без централизованных посредников, создает значительные проблемы для регуляторов, привыкших к надзору за традиционными финансовыми институтами [18].

Конфиденциальность и безопасность данных являются особенно актуальными проблемами в секторе финтеха, учитывая огромные объемы конфиденциальной финансовой информации, обрабатываемой этими компаниями. Внедрение Общего регламента по защите данных (GDPR) в ЕС установило новый глобальный стандарт защиты данных, но его применение к технологиям блокчейна и другим инновациям в сфере финтеха остается предметом дискуссий [19].

Трансграничные транзакции и потенциал регулятивного арбитража представляют собой еще один набор проблем. Глобальный характер многих финтехуслуг требует международного сотрудничества и координации между регуляторами. Такие инициативы, как Глобальная финансовая инновационная сеть (GFIN), которая направлена на содействие сотрудничеству между финансовыми регуляторами по вопросам, связанным с инновациями, представляют собой важные шаги на пути к решению этих проблем [20].

Цифровизация финансового сектора, движимая финтехинновациями, представляет собой преобразующую силу в мировой экономике. Как отмечается в данной статье, правовые основы, лежащие в основе этой трансформации, сложны и развиваются, отражая напряжение между необходимостью содействовать инновациям и необходимостью поддержания финансовой стабильности и защиты потребителей.

Различные подходы к регулированию, принятые в разных юрисдикциях, подчеркивают проблемы разработки согласованной глобальной структуры для регулирования финтеха. В то время как некоторые страны приняли проактивную, благоприятную для инноваций политику, другие заняли более осторожную позицию. Опыт финтеххабов, таких как Сингапур и Великобритания, дает ценные сведения о потенциальных преимуществах поддерживающей нормативной среды, но такие случаи, как скандал с Wirecard, также подчеркивают риски, связанные с недостаточным надзором.

Поскольку финтех продолжает менять финансовый ландшафт, политики и регуляторы должны оставаться гибкими и реагировать на возникающие проблемы. Потенциал финтеха в плане содействия финансовой инклюзивности и стимулирования экономического роста значителен, но реализация этого потенциала требует тщательного рассмотрения таких вопросов, как цифровая грамотность, доступ к технологиям и защита прав потребителей.

Заглядывая вперед, разработка надежных, но гибких правовых рамок для финтеха будет иметь решающее значение для использования инновационного потенциала сектора при одновременном снижении сопутствующих рисков. Международное сотрудничество и координация будут иметь важное значение для решения трансграничных проблем и предотвращения регулятивного арбитража. Поскольку сектор финтеха продолжает развиваться, должны также меняться правовые и нормативные подходы, которые его регулируют, гарантируя, что преимущества цифровых финансов будут реализованы при сохранении целостности и стабильности глобальной финансовой системы.

Список литературы:

1. Philippon, T., 2016. The fintech opportunity. National Bureau of Economic Research.
2. KPMG, 2020. Pulse of Fintech H2 2019.
3. Arner, D.W., Barberis, J. and Buckley, R.P., 2017. FinTech and RegTech in a Nutshell, and the Future in a Sandbox. CFA Institute Research Foundation.
4. Zetzsche, D.A., Buckley, R.P., Arner, D.W. and Barberis, J.N., 2017. From FinTech to TechFin: The Regulatory Challenges of Data-Driven Finance. New York University Journal of Law and Business, 14(2).
5. Office of the Comptroller of the Currency, 2016. Supporting Responsible Innovation in the Federal Banking System: An OCC Perspective.
6. Lacewell v. Office of the Comptroller of the Currency, 2019. United States District Court Southern District of New York.
7. European Commission, 2015. Payment Services Directive 2 (PSD2).

8. Cortet, M., Rijks, T. and Nijland, S., 2016. PSD2: The digital transformation accelerator for banks. Journal of Payments Strategy & Systems, 10(1).
9. Blandin, A., Cloots, A.S., Hussain, H., Rauchs, M., Saleuddin, R., Allen, J.G., Zhang, B. and Cloud, K., 2019. Global cryptoasset regulatory landscape study. Cambridge Centre for Alternative Finance.
10. European Central Bank, 2020. Report on a digital euro.
11. Monetary Authority of Singapore, 2016. FinTech Regulatory Sandbox Guidelines.
12. Financial Conduct Authority, 2015. Regulatory sandbox.
13. EY, 2019. Global FinTech Adoption Index 2019.
14. Financial Times, 2020. Wirecard and the missing €1.9bn: my story.
15. Suri, T. and Jack, W., 2016. The long-run poverty and gender impacts of mobile money. Science, 354(6317).
16. World Bank, 2018. Financial Inclusion on the Rise, But Gaps Remain, Global Findex Database Shows.
17. International Monetary Fund, 2020. The Promise of Fintech: Financial Inclusion in the Post COVID-19 Era.
18. Chen, Y. and Bellavitis, C., 2020. Blockchain disruption and decentralized finance: The rise of decentralized business models. Journal of Business Venturing Insights, 13.
19. Finck, M., 2018. Blockchain and the General Data Protection Regulation: Can distributed ledgers be squared with European data protection law? European Parliamentary Research Service.
20. Financial Conduct Authority, 2019. Global Financial Innovation Network (GFIN).

СЕКЦИЯ

«МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО»

РЕГУЛИРОВАНИЕ КОММЕРЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДРОНОВ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ

Сидиков Рустам
соискатель
Ташкентского государственного
юридического университета,
Узбекистан, г. Ташкент
E-mail: infolaw.uz@gmail.com

REGULATION OF COMMERCIAL USE OF DRONES AT THE INTERNATIONAL LEVEL

Rustam Sidikov
Researcher
of Tashkent State University of Law,
Uzbekistan, Tashkent

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу международных и национальных правовых рамок, регулирующих коммерческое использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Рассмотрены ключевые международные договоры и соглашения, роль международных организаций в разработке стандартов, а также различия в национальных подходах к регулированию. Выявлены правовые барьеры и возможности для развития трансграничного коммерческого использования дронов.

Предложены перспективные направления дальнейшего развития регулирования, включая гармонизацию национальных законодательств, разработку международных стандартов и развитие необходимой инфраструктуры.

ABSTRACT

The article analyzes the international and national legal frameworks regulating the commercial use of unmanned aerial vehicles (UAVs). It ex-

amines key international treaties and agreements, the role of international organizations in developing standards, and differences in national approaches to regulation. The study identifies legal barriers and opportunities for the development of cross-border commercial use of drones. Promising directions for further development of regulation are proposed, including harmonization of national legislation, development of international standards, and development of the necessary infrastructure.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, БПЛА, дроны, коммерческое использование, международное право, национальное законодательство, правовое регулирование, международные стандарты, гармонизация, интеграция в воздушное пространство.

Keywords: unmanned aerial vehicles, UAVs, drones, commercial use, international law, national legislation, legal regulation, international standards, harmonization, integration into airspace.

Беспилотные летательные аппараты (БПЛА), также известные как дроны, представляют собой управляемые дистанционно или автономно летательные аппараты без экипажа на борту [1]. В последние годы дроны находят все более широкое применение в коммерческой сфере, включая такие области, как доставка грузов, аэрофотосъемка, мониторинг инфраструктуры, сельское хозяйство и многие другие [2, с.459]. Коммерческое использование БПЛА открывает новые возможности для бизнеса, повышает эффективность операций и способствует развитию инноваций.

Однако стремительное развитие коммерческого использования дронов ставит новые вызовы перед международным сообществом в области правового регулирования.

Трансграничный характер многих коммерческих операций с БПЛА требует согласованных усилий на международном уровне для обеспечения безопасности полетов, защиты конфиденциальности и соблюдения суверенитета государств [3].

Кроме того, различия в национальных подходах к регулированию коммерческого использования дронов создают правовую неопределенность и препятствуют развитию международной торговли и инвестиций в этой сфере.

Данная статья посвящена анализу существующих международных и национальных правовых рамок, регулирующих коммерческое использование БПЛА, выявлению ключевых проблем и возможностей, а также обсуждению перспектив дальнейшего развития регулирования в этой области.

Статья имеет большое значение для представления правовых аспектов коммерческого применения дронов и выработки эффективных политик, способствующих развитию международного бизнеса и инноваций с учетом требований безопасности и защиты общественных интересов.

Исторический обзор. Коммерческое использование беспилотных летательных аппаратов имеет относительно недолгую, но динамичную историю. Первые примеры применения дронов в коммерческих целях относятся к началу 2000-х годов, когда БПЛА начали использоваться для аэрофотосъемки и мониторинга сельскохозяйственных угодий [4, с.30-34]. Однако настоящий бум коммерческого использования дронов начался в 2010-х годах с развитием технологий миниатюризации, повышения автономности и снижения стоимости БПЛА.

Одной из первых отраслей, активно внедривших дроны, стала киноиндустрия. Возможность получения уникальных ракурсов и эффектных кадров с воздуха привела к широкому использованию БПЛА при съемках фильмов и рекламных роликов [5, с.601-621]. Другой сферой, где дроны быстро нашли применение, стала доставка грузов. В 2013 году компания Amazon анонсировала проект PrimeAir, предполагающий доставку товаров с помощью БПЛА [6]. В последующие годы эксперименты с доставкой дронами начали проводить многие другие компании, такие как Google, DHL и Alibaba.

Развитие коммерческого использования дронов поставило вопрос о необходимости правового регулирования этой сферы. Первые попытки регулирования были предприняты на национальном уровне.

Например, в 2012 году Федеральное управление гражданской авиации США (FAA) приняло Закон о модернизации и реформе FAA, который поручил ведомству разработать правила интеграции БПЛА в национальное воздушное пространство [7].

В 2016 году FAA приняло Часть 107 Федеральных авиационных правил, устанавливающую требования к коммерческому использованию дронов, включая правила сертификации операторов, ограничения на полеты и требования к безопасности [8].

Другие страны также начали разрабатывать национальные правила регулирования коммерческого использования БПЛА. Например, в 2016 году Управление гражданской авиации Великобритании (CAA) опубликовало руководство по использованию дронов в коммерческих целях, устанавливающее требования к регистрации БПЛА, обучению операторов и получению разрешений на полеты [9].

В Китае в 2017 году были приняты Временные правила регулирования беспилотных летательных аппаратов гражданского назначе-

ния, определяющие классификацию дронов, правила регистрации и требования к операторам [10].

Международные договоры и соглашения. На международном уровне регулирование коммерческого использования дронов осуществляется в рамках существующих договоров и соглашений в области гражданской авиации, а также деятельности специализированных международных организаций. Ключевым документом является Конвенция о международной гражданской авиации (Чикагская конвенция) 1944 года, устанавливающая основные принципы международного воздушного права [11]. Хотя Чикагская конвенция не содержит специальных положений о БПЛА, ее нормы применяются к дронам в той мере, в какой они подпадают под определение воздушного судна.

Важную роль в разработке стандартов и рекомендуемой практики в области БПЛА играет Международная организация гражданской авиации (ИКАО). В 2011 году ИКАО опубликовала циркуляр Cir 328 "Беспилотные авиационные системы (БАС)", содержащий первоначальные рекомендации по регулированию БПЛА [12]. В 2015 году ИКАО приняла документ "Руководство по дистанционно пилотируемым авиационным системам" (ДПАС), устанавливающий более детальные стандарты и рекомендации по различным аспектам использования БПЛА, включая сертификацию, выдачу разрешений операторам, правила полетов и управление воздушным движением [13].

Вопросы коммерческого использования дронов затрагиваются также в рамках Всемирной торговой организации (ВТО). Основополагающие соглашения ВТО, такие как Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) и Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС), устанавливают принципы недискриминации, транспарентности и либерализации торговли, которые применимы к трансграничным коммерческим операциям с использованием БПЛА [14]. В то же время, соглашения ВТО допускают введение государствами ограничений на торговлю услугами на основании защиты общественных интересов, таких как национальная безопасность, защита жизни и здоровья людей и охрана окружающей среды.

Помимо глобальных соглашений, существуют также региональные и двусторонние договоренности, затрагивающие коммерческое использование БПЛА. Например, в рамках Европейского союза в 2019 году вступил в силу Регламент ЕС 2019/947, устанавливающий единые правила эксплуатации беспилотных авиационных систем [15, с.45-71]. Регламент вводит три категории операций с БПЛА (открытая, специальная и сертифицированная) и определяет требования к регистрации дронов, сертификации операторов и правилам полетов.

Примером двустороннего сотрудничества является Меморандум о взаимопонимании между Федеральной авиационной администрацией США и Управлением гражданской авиации Сингапура, подписанный в 2019 году [16]. Меморандум предусматривает обмен информацией и опытом в области регулирования БПЛА, а также сотрудничество в области исследований и разработок, что имеет важное значение для развития коммерческого использования дронов в обеих странах.

Национальные законодательные акты. Несмотря на наличие международных рамок, основное регулирование коммерческого использования БПЛА осуществляется на уровне национального законодательства. Подходы разных стран к регулированию дронов существенно различаются, что создает проблемы для трансграничных коммерческих операций и развития международного рынка БПЛА.

Наиболее развитое законодательство в области коммерческого использования дронов действует в США. Помимо упомянутой ранее Части 107 Федеральных авиационных правил, в США действуют также правила удаленной идентификации БПЛА, обязывающие операторов обеспечивать передачу информации о местоположении и регистрационном номере дрона в режиме реального времени [17]. Кроме того, в ряде штатов приняты дополнительные законы, регулирующие использование БПЛА, включая вопросы конфиденциальности, ограничения на полеты в определенных зонах и требования к страхованию ответственности операторов [18].

В Европейском союзе, помимо общеевропейского Регламента 2019/947, действуют также национальные правила государств-членов. Например, в Германии в 2017 году был принят Закон об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев беспилотных летательных аппаратов, устанавливающий требования к страхованию дронов массой более 250 граммов [19]. Во Франции с 2018 года действуют правила, обязывающие владельцев БПЛА проходить онлайн-курс по безопасности полетов и сдавать экзамен для получения разрешения на коммерческое использование дронов [20].

В Китае, являющемся одним из лидеров в производстве и использовании БПЛА, действуют строгие правила регулирования коммерческих операций с дронами. Помимо регистрации БПЛА и сертификации операторов, в Китае установлены ограничения на полеты в определенных зонах, включая аэропорты, военные объекты и густонаселенные районы [21]. Кроме того, все полеты БПЛА должны получать предварительное разрешение от органов управления воздушным движением.

Различия в национальных подходах к регулированию коммерческого использования дронов создают сложности для компаний, осу-

ществляющих трансграничные операции. Например, дроны, сертифицированные для коммерческого использования в одной стране, могут не соответствовать требованиям другого государства, что требует дополнительных усилий по получению разрешений и адаптации к местным правилам. Кроме того, различия в правилах страхования ответственности, обработки данных и обеспечения конфиденциальности создают дополнительные барьеры для международной торговли услугами с использованием БПЛА.

Правовые барьеры и возможности. Существующие международные и национальные правовые рамки создают как барьеры, так и возможности для развития коммерческого использования дронов на глобальном уровне. Одним из ключевых препятствий является фрагментация регулирования и отсутствие единых стандартов в области сертификации БПЛА, правил полетов и обеспечения безопасности [22]. Это создает неопределенность для бизнеса и увеличивает издержки на получение необходимых разрешений и адаптацию к требованиям разных юрисдикций.

Серьезным барьером является также ограниченность воздушного пространства, доступного для коммерческих операций с БПЛА. Во многих странах полеты дронов запрещены над густонаселенными районами, вблизи аэропортов и других стратегических объектов [23, с.83-90]. Это ограничивает возможности использования БПЛА для доставки грузов в городских районах, а также для мониторинга и инспекции критически важной инфраструктуры.

Еще одним вызовом является обеспечение безопасности полетов БПЛА и предотвращение их столкновений с пилотируемыми воздушными судами и другими объектами. Существующие технологии обнаружения и предотвращения столкновений (DAA) для дронов пока не обеспечивают необходимого уровня надежности, что требует разработки новых стандартов и сертификационных требований [24]. Кроме того, необходимы инвестиции в инфраструктуру управления воздушным движением, способную интегрировать большое количество БПЛА в общее воздушное пространство.

С другой стороны, существующие правовые рамки открывают и новые возможности для развития коммерческого использования дронов. Принятие специальных правил, таких как Часть 107 в США или Регламент ЕС 2019/947, создает более четкие и предсказуемые условия для бизнеса, снижает регуляторные риски и стимулирует инвестиции в отрасль [25]. Кроме того, ряд стран, включая Австралию, Канаду и Японию, внедряют экспериментальные правовые режимы (regulatorysandboxes), позволяющие компаниям тестировать инноваци-

онные решения с использованием БПЛА в контролируемой среде с ограниченным регуляторным бременем [26].

Важным шагом в развитии коммерческого использования дронов является также внедрение концепции "Управления воздушным движением беспилотных авиационных систем" (UTM), предполагающей создание специальной инфраструктуры и правил для безопасной интеграции БПЛА в низковысотное воздушное пространство [27, с.24]. Системы UTM позволят автоматизировать процессы планирования полетов, выдачи разрешений и обеспечения эшелонирования дронов, что снизит нагрузку на диспетчеров и повысит эффективность использования воздушного пространства.

Перспективным направлением является также развитие международных стандартов и сертификации БПЛА. Такие организации, как ИКАО и Международная организация по стандартизации (ISO), ведут работу над разработкой единых требований к летной годности, безопасности и техническим характеристикам дронов [28]. Внедрение международных стандартов позволит снизить барьеры для трансграничной торговли и создать условия для формирования глобального рынка БПЛА и связанных с ними услуг.

Дальнейшее развитие правового регулирования коммерческого использования дронов на международном уровне будет определяться рядом факторов, включая технологический прогресс, изменение бизнес-моделей и растущий спрос на услуги, предоставляемые с помощью БПЛА. Одним из ключевых направлений должна стать гармонизация национальных законодательств и выработка единых международных стандартов в таких областях, как сертификация БПЛА, правила полетов, требования к операторам и обмен данными.

Важную роль в этом процессе могут сыграть региональные интеграционные объединения и международные организации. Например, Европейский союз планирует создание единого рынка беспилотных авиационных услуг (U-Space), предполагающего интеграцию БПЛА в общее воздушное пространство и предоставление трансграничных сервисов, таких как доставка грузов и мониторинг инфраструктуры [29]. Реализация этой инициативы потребует дальнейшей гармонизации регулирования на уровне ЕС и сотрудничества с третьими странами.

На глобальном уровне ключевую роль в выработке стандартов будет играть ИКАО. В рамках организации ведется работа над созданием всеобъемлющей нормативной базы для международных полетов БПЛА, включая разработку стандартов летной годности, требований к связи, навигации и наблюдению, а также процедур сертификации операторов [30]. Принятие глобальных стандартов ИКАО создаст основу

для гармонизации национальных правил и снижения барьеров для трансграничного использования дронов.

Другим важным направлением является развитие технологий и инфраструктуры, необходимых для безопасной и эффективной интеграции БПЛА в воздушное пространство. Речь идет о таких решениях, как системы UTM, технологии обнаружения и предотвращения столкновений, средства безопасной связи и обмена данными между дронами и наземными службами. Развитие этих технологий потребует активного международного сотрудничества и инвестиций как со стороны государств, так и частного сектора.

Перспективным направлением является также использование БПЛА для трансграничной доставки грузов и почтовых отправлений. Почтовые операторы ряда стран, включая Швейцарию, Великобританию и Сингапур, уже тестируют доставку дронами на последней миле [31]. Развитие этого направления потребует не только технологических решений, но и выработки новых правил и процедур в рамках Всемирного почтового союза, регулирующих трансграничную доставку с помощью БПЛА.

Наконец, важным условием развития коммерческого использования дронов является обеспечение общественного доверия и решение вопросов, связанных с конфиденциальностью, безопасностью и экологическими последствиями применения БПЛА. Необходимы международные усилия по разработке этических принципов и добровольных стандартов использования дронов, которые обеспечивали бы защиту прав граждан и минимизировали негативное воздействие на окружающую среду [32, с.1391-1418].

Подводя итоги, можно указать, что регулирование коммерческого использования дронов на международном уровне находится в стадии активного развития. С одной стороны, существующие правовые рамки, включая Чикагскую конвенцию и стандарты ИКАО, создают основу для интеграции БПЛА в глобальную авиационную систему. С другой стороны, фрагментация национальных законодательств и отсутствие единых международных стандартов создают барьеры для трансграничного использования дронов и развития глобального рынка услуг.

Дальнейший прогресс в этой области потребует активного международного сотрудничества и выработки согласованных подходов к таким вопросам, как сертификация БПЛА, правила полетов, интеграция дронов в системы управления воздушным движением и обмен данными.

Ключевую роль в этом процессе должны сыграть международные организации, такие как ИКАО и ВТО, а также региональные интеграционные объединения и институты сотрудничества.

Важным условием эффективного регулирования является также развитие технологий и инфраструктуры, обеспечивающих безопасную и эффективную эксплуатацию БПЛА. Такие решения, как системы UTM, средства предотвращения столкновений и защищенные каналы связи, создадут основу для масштабного внедрения дронов в коммерческих операциях.

Наконец, регулирование коммерческого использования БПЛА должно учитывать не только экономические, но и социальные и экологические факторы. Необходима выработка этических принципов и стандартов, обеспечивающих защиту конфиденциальности, безопасности и прав граждан, а также минимизацию негативного воздействия дронов на окружающую среду.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на анализ лучших международных практик регулирования БПЛА, разработку моделей гармонизации национальных законодательств, а также изучение социально-экономических и экологических последствий использования дронов. Результаты этих исследований могут лечь в основу рекомендаций для международных организаций, национальных регуляторов и бизнеса, способствуя формированию эффективной и сбалансированной системы регулирования коммерческого использования БПЛА на глобальном уровне.

Список литературы:

1. International Civil Aviation Organization (ICAO), 2011. Unmanned Aircraft Systems (UAS). Cir 328, AN/190.
2. Stöcker, C., Bennett, R., Nex, F., Gerke, M., Zevenbergen, J., 2017. Review of the current state of UAV regulations. Remote sensing, 9(5), p.459.
3. Masutti, A., 2018. International Regulation of Non-Military Drones: Legal Issues and Challenges. Edward Elgar Publishing.
4. Dunlap, T.M., 2009. We've got you covered: What every lawyer should know about insurance for UAS. Unmanned Systems, 27(5), pp.30-34.
5. Cramer, E.W., 2016. Clearing the Air: The Regulation of Commercial Drones. Arizona Journal of International&Comparative Law, 33(2), pp.601-621.
6. McNeal, G.S., 2014. Drones and aerial surveillance: Considerations for legislatures. Brookings Institution: The Robots Are Coming: The Project on Civilian Robotics.
7. Federal Aviation Administration (FAA) Modernization and Reform Act of 2012, Pub.L. No. 112-95, 126 Stat. 11.

8. Federal Aviation Administration (FAA), 2016. Operation and Certification of Small Unmanned Aircraft Systems. 81 Fed. Reg. 42064.
9. Civil Aviation Authority (CAA) of the United Kingdom, 2016. CAP 722: Unmanned Aircraft System Operations in UK Airspace – Guidance.
10. Civil Aviation Administration of China (CAAC), 2017. Provisions on the Administration of Civil Unmanned Aircraft Systems (UAS) for Flight.
11. Convention on International Civil Aviation, 7 December 1944, (1994) 15 U.N.T.S. 295, ICAO Doc. 7300/9.
12. International Civil Aviation Organization (ICAO), 2011. Unmanned Aircraft Systems (UAS). Cir 328, AN/190.
13. International Civil Aviation Organization (ICAO), 2015. Manual on Remotely Piloted Aircraft Systems (RPAS). Doc 10019, AN/507.
14. World Trade Organization (WTO), 1994. General Agreement on Tariffs and Trade 1994. Apr. 15, 1994, Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization, Annex 1A, 1867 U.N.T.S. 187, 33 I.L.M. 1153 (1994).
15. European Union (EU), 2019. Commission Implementing Regulation (EU) 2019/947 of 24 May 2019 on the rules and procedures for the operation of unmanned aircraft. Official Journal of the European Union, L 152, pp.45-71.
16. Federal Aviation Administration (FAA) of the United States and Civil Aviation Authority of Singapore (CAAS), 2019. Memorandum of Understanding between FAA and CAAS on Unmanned Aircraft Systems.
17. Federal Aviation Administration (FAA), 2021. Remote Identification of Unmanned Aircraft. 86 Fed. Reg. 4390.
18. National Conference of State Legislatures (NCSL), 2021. Current Unmanned Aircraft State Law Landscape.
19. Deutscher Bundestag, 2017. Gesetz zur Regelung des Betriebs von unbemannten Fluggeräten. Bundesgesetzblatt Jahrgang 2017 Teil I Nr. 17.
20. Direction Générale de l'Aviation Civile (DGAC) of France, 2018. Arrêté du 18 mai 2018 relatif aux exigences applicables aux télépilotes qui utilisent des aéronefs civils circulant sans personne à bord à des fins autres que le loisir.
21. Civil Aviation Administration of China (CAAC), 2019. Regulations on the Real-name Registration of Civil Unmanned Aerial Vehicles (UAV).
22. Jones, T., 2017. International commercial drone regulation and drone delivery services. RAND Corporation, RR-1718/3-RC.
23. Rao, B., Gopi, A.G., Maione, R., 2016. The societal impact of commercial drones. Technologyin Society, 45, pp.83-90.
24. Prats, X., Barrado, C., Sanz, S., Pastor, E., 2019. Detect and Avoid for Unmanned Aircraft Systems. In: Valavanis, K., Vachtsevanos, G. (eds) Handbook of Unmanned Aerial Vehicles. Springer, Cham.
25. Ravich, T.M., 2018. Commercial Drone Law: Digest of U.S. and Global UAS Rules, Polices, and Practices. American Bar Association.

26. Jones, T., Siebert, L.C., Mastroianni, L., Morin, C., Agnew, L., 2020. Lessons from the Regulatory Frontier: Insights from Commercial Drone Regulatory Testbeds in Australia, Canada, and Japan. RAND Corporation, RR-A279-1.
27. Barrado, C., Boyero, M., Brucculeri, L., Ferrara, G., Hately, A., Hullah, P., Martin-Marrero, D., Pastor, E., Rushton, A.P., Volkert, A., 2020. U-space concept of operations: a key enabler for opening airspace to emerging low-altitude operations. Aerospace, 7(3), p.24.
28. International Organization for Standardization (ISO), 2019. ISO 21384-3:2019 – Unmanned aircraft systems -- Part 3: Operational procedures.
29. SESAR Joint Undertaking, 2020. Supporting safe and secure drone operations in Europe: A preliminary summary of SESAR U-space research and innovation results (2017-2019).
30. International Civil Aviation Organization (ICAO), 2020. Remotely Piloted Aircraft System (RPAS) Concept of Operations (CONOPS) for International IFR Operations.
31. Universal Postal Union (UPU), 2019. Unmanned aircraft systems (UAS) for postal deliveries – Key considerations. UPU-ICAO Postal Air Transport Project, PAUT-18-20.
32. Boucher, P., 2015. 'You wouldn't have your granny using them': Drawing boundaries between acceptable and unacceptable applications of civil drones. Science and Engineering Ethics, 22(5), pp.1391-1418.

СЕКЦИЯ

«ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Куликов Артем Дмитриевич
студент,
Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов
E-mail: kulikov.ad@mail.ru

ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE FIELD OF PREVENTING CRIMES AGAINST MINORS: CURRENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Artem Kulikov
Student,
Saratov State Law Academy,
Russia, Saratov

АННОТАЦИЯ

Проблема преступлений в отношении несовершеннолетних является одной из самых актуальных в современном обществе. Уязвимость данной категории граждан, связанная с их физическим и психологическим развитием, требует особого внимания со стороны правоохранительных органов. Прокуратура, являясь органом, осуществляющим надзор за соблюдением законности, играет ключевую роль в предупреждении таких преступлений. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с деятельностью прокуратуры в этой сфере, а также перспективы её развития.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, деятельность прокуратуры, несовершеннолетние, совершенствование законодательства.

Несовершеннолетние являются одной из наиболее уязвимых категорий населения, что делает их объектами преступных посягательств. Преступления против детей и подростков наносят огромный урон как самим жертвам, так и обществу в целом, так как нарушения в детском возрасте могут иметь долгосрочные последствия для их психического и физического здоровья. В этой связи особое значение приобретает деятельность прокуратуры, направленная на предупреждение таких преступлений и защиту прав несовершеннолетних.

За последние десятилетия российское законодательство значительно усилило защиту прав несовершеннолетних. Были приняты законы, направленные на предотвращение насилия, жестокого обращения, сексуальной эксплуатации и других форм преступной активности. Однако практика показывает, что наличие законодательства само по себе не гарантирует защиту детей и подростков. Необходима эффективная реализация этих норм, и здесь прокуратура играет ключевую роль, осуществляя надзор за исполнением законодательства и координацию деятельности правоохранительных органов.

Деятельность прокуратуры в сфере предупреждения преступлений против несовершеннолетних включает в себя несколько направлений[1, с. 89]:

1. Надзор за соблюдением законодательства, касающегося прав несовершеннолетних. Прокуратура осуществляет контроль за исполнением законов, направленных на защиту детей от преступных посягательств, включая надзор за деятельностью образовательных, медицинских и социальных учреждений, а также органов опеки и попечительства.

2. Координация деятельности правоохранительных органов. Прокуратура обеспечивает взаимодействие между различными структурами, занимающимися расследованием и профилактикой преступлений против несовершеннолетних: следственными органами, полицией, комиссиями по делам несовершеннолетних и другими. Важную роль в этом процессе играют координационные совещания и рабочие группы.

3. Проведение профилактических мероприятий. Прокуратура принимает участие в разработке и реализации программ по профилактике преступлений, в том числе информационных кампаний, направленных на повышение правовой грамотности среди детей и их родителей. В

этой связи важно сотрудничество с образовательными учреждениями, средствами массовой информации и общественными организациями.

4. Защита интересов несовершеннолетних в суде. Прокуратура участвует в рассмотрении уголовных и гражданских дел, касающихся прав и интересов несовершеннолетних. Это может включать как представительство в делах о жестоком обращении или лишении родительских прав, так и в делах о совершении преступлений в отношении детей.

Несмотря на существующую правовую базу и налаженные механизмы работы, деятельность прокуратуры сталкивается с рядом проблем, требующих решения:

1. Недостаточная профилактика преступлений[2, с.101-103]. Хотя надзорная функция прокуратуры активно реализуется, профилактическая деятельность нуждается в дальнейшей доработке. Необходимо разрабатывать и внедрять более современные и эффективные методы профилактики преступлений в отношении детей, включая программы раннего вмешательства и социально-психологической поддержки семей.

2. Низкий уровень правовой грамотности среди несовершеннолетних. Одной из причин совершения преступлений против детей является недостаток правовых знаний как у самих несовершеннолетних, так и у их родителей. Прокуратуре совместно с образовательными учреждениями и средствами массовой информации следует активизировать работу по повышению правовой осведомленности граждан[3, с. 66].

3. Недостаточное межведомственное взаимодействие. Хотя прокуратура координирует работу различных структур, иногда наблюдается нехватка согласованности и эффективности в межведомственных действиях. Проблема усиливается сложностью взаимодействия с социальными службами, медицинскими учреждениями и образовательными организациями, что затрудняет раннее выявление случаев угрозы преступлений против несовершеннолетних.

4. Низкая эффективность наказаний для преступников[4, с. 55]. Важным аспектом работы прокуратуры является обеспечение неотвратимости наказания для тех, кто совершает преступления против несовершеннолетних. Однако проблемы с доказательной базой, недостаточная квалификация некоторых сотрудников правоохранительных органов и медлительность судебной системы приводят к тому, что некоторые преступники избегают справедливого наказания.

Для повышения эффективности работы прокуратуры в сфере предупреждения преступлений в отношении несовершеннолетних необходимо учитывать следующие направления[5, с. 79-81]:

1. Совершенствование законодательства. Важно продолжать работу по совершенствованию нормативной базы, направленной на защиту прав несовершеннолетних. Это включает как принятие новых законов, так и внесение изменений в действующие нормативные акты, чтобы они соответствовали современным вызовам и угрозам.

2. Развитие системы межведомственного взаимодействия. Прокуратуре необходимо усилить координацию с другими ведомствами, особенно в сфере профилактики преступлений. Создание единой информационной системы, в которой будут собираться данные о семьях и детях, находящихся в зоне риска, может значительно повысить эффективность профилактической работы.

3. Внедрение новых технологий в профилактическую деятельность. Современные информационные технологии могут сыграть важную роль в предупреждении преступлений. Прокуратуре следует активнее использовать цифровые платформы для мониторинга правонарушений, информационных кампаний и работы с несовершеннолетними и их родителями.

4. Повышение квалификации сотрудников прокуратуры. Важным аспектом повышения эффективности деятельности прокуратуры является регулярное обучение сотрудников. Особое внимание следует уделять подготовке специалистов, работающих с несовершеннолетними и преступлениями против них, в том числе в вопросах психологии и работы с пострадавшими детьми.

Деятельность прокуратуры в сфере предупреждения преступлений в отношении несовершеннолетних требует постоянного развития и совершенствования. Эффективная реализация законодательных норм, координация работы различных ведомств и повышение правовой грамотности населения являются ключевыми задачами в этой области. Перспективы развития деятельности прокуратуры связаны с совершенствованием законодательства, межведомственного взаимодействия и использованием новых технологий, что позволит значительно снизить уровень преступности в отношении детей и подростков.

Список литературы:

1. Крюк, В.С. Деятельность прокуратуры по защите детей от насилия в сфере семейно-бытовых отношений /В.С. Крюк // Вестник КРУ МВД России. 2021. № 2. С. 87-94.
2. Гуськова, Т.И. Роль прокуратуры в профилактике преступлений несовершеннолетних в образовательной сфере / Т.И. Гуськова // Научный вестник Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ. 2023. № 5. С. 99-105.

3. Солодова, И.В. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних / И.В. Солодова // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 63-67.
4. Гаврилова, Л.В. Прокурорский надзор в системе профилактики преступности несовершеннолетних / Л.В. Гаврилова // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 3. С. 52-59.
5. Зайцев И.В. Механизмы повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних / И.В. Зайцев // Молодой ученый. 2023. № 2. С. 79-86.

СЕКЦИЯ

«СТРАХОВОЕ, МЕДИЦИНСКОЕ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И НОТАРИАТ»

СПЕЦИФИКА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Рокоман Мария Вадимовна
магистрант,
ФГБОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов
E-mail: rokoman07@icloud.com

SPECIFICS OF CIVIL LIABILITY OF MEDICAL WORKERS

Maria Rokoman
Postgraduate student,
Saratov State Law Academy,
Russia, Saratov

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена гражданско-правовой ответственности медицинских работников. В ходе исследования выделены ее специфичные черты, в числе которых: причинение вреда нематериальным благам (жизни, здоровью), возмещение причиненного вреда вне зависимости от вины и прочее.

ABSTRACT

The article is devoted to civil liability of medical workers. In the course of the research its specific features are highlighted, including: infliction of harm to non-material benefits (life, health), compensation for the harm caused regardless of guilt, etc. The article is devoted to the civil law liability of medical workers.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность; медицинские работники; причинение вреда; оказание медицинских услуг.

Keywords: civil liability; medical workers; infliction of harm; provision of medical services.

Жизнь и здоровье выступают наиболее значимыми нематериальными благами для каждого человека. По этой причине они нуждаются в повышенной правовой охране и обеспечении, что предопределило, в том числе, обособление гражданско-правовой ответственности за причинение им вреда[2].

Деятельность медицинских работников несет в себе повышенную угрозу причинения вреда рассматриваемым благам по причине оказания прямого воздействия на них. В связи с чем, гражданско-правовая ответственность медицинских работников нередко рассматривается именно в контексте причинения вреда таким объектам.

Ввиду наличия повышенных рисков зачастую в научной среде предлагается внедрение института обязательного страхования ответственности медицинских работников [1] (при этом речь идет о страховании ответственности работников внебюджетных медицинских учреждений). Важно учесть, что в настоящее время такое страхование допустимо, осуществляется исключительно на добровольной основе и выступает одной из гарантий правового статуса медицинского работника в России (статья 72 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») [7].

В то же время приведенная мера создаст дополнительную нагрузку на частную медицину, что в последующем отразится на стоимости услуг частных клиник.

В научной среде выделены наиболее распространенные причины причинения вреда жизни или здоровью пациентов, среди которых:

- несовершенство медицинского оборудования и недостатки технической оснащенности;
- атипичное протекание ряда злокачественных заболеваний;
- отсутствие должного уровня профессиональных знаний у медицинского работника, в том числе по вопросам профилактики и диагностики заболевания;
- индивидуальные особенности пациента;
- действия самых пациентов (отказ от госпитализации, несвоевременное обращение за медицинской помощью, уклонение от лечения и др.)[5, с. 34].

Для образования гражданско-правовой ответственности необходимо совпадение сразу нескольких условий:

- противоправность;

- последствия в виде вреда правам и свободам человека и гражданина, а равно его благам;
- причинно-следственная связь;
- вина.

Примечательно, что каждое из условий гражданско-правовой ответственности обладает спецификой применительно к медицинским работникам.

Особенности гражданско-правовой ответственности медицинских работников заключаются в следующем:

1. Нематериальный характер блага, которому причинен вред и, соответственно, использование компенсационных механизмов (в том числе компенсации морального вреда)[4].

2. Особый (сложный) субъектный состав правоотношений. Одной из сторон отношений выступает медицинская организация или индивидуальный предприниматель, которые, как правило, не являются причинителями вреда (безусловно, возможна ситуация, когда сам индивидуальный предприниматель – работодатель непосредственно занимается врачебной деятельностью и самостоятельно причиняет вред, однако такие случаи редки).

Иными словами, существуют отношения между пациентом и медицинской организацией или индивидуальным предпринимателем, а также отношения между медицинским работником и его работодателем. Значительно реже встречается ситуация, когда отношения образуются между пострадавшим пациентом и непосредственным причинителем вреда (однако такое возможно, если, например, врач нарушает инструкции и действует по собственному усмотрению). Сложность субъектного состава обусловила механизм возложения ответственности: она возлагается на работодателя медицинского работника, который наделяется правом регресса (то есть заявления требования к самому работнику о возмещении понесенных потерь). При удовлетворении регрессных требований учитываются положения статьи 241 Трудового кодекса Российской Федерации [6].

3. Ответственность медицинских работников может носить как договорный, так и внедоговорный (деликтный) характер. При этом оба вида ответственности, как правило, возлагаются не на прямую на работника, а на медицинскую организацию или индивидуального предпринимателя, которые выступают стороной договора или осуществляют функции работодателя.

4. Не менее значимой особенностью выступает то, что на оказание медицинских услуг распространяется действие Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 «О защите прав потребителей»[3]. Таким

образом, к рассматриваемым правоотношениям применимы отдельные способы защиты и обеспечения прав, например, штраф за неисполнение требований потребителя в добровольном порядке.

5. Важно учесть, что ответственность за вред, причиненный вследствие ненадлежащего оказания услуги (в том числе медицинской услуги), если такое нарушение связано с получением потребителем недостаточного объема информации или ее недействительностью, возлагается независимо от вины, а также независимо от наличия договорных отношений.

6. Еще одной особенностью ответственности медицинских работников выступает ее объем. Примечательно, что вред может быть причинен также правомерными действиями медицинского работника (например, когда спасение жизни требовало удаления конечности и т.д.).

Кроме того, и сам пациент своими собственными действиями может увеличивать размеры вреда, что свидетельствует о необходимости учета также его вины. Таким образом, проведенное исследование позволило выделить ряд специфичных черт гражданско-правовой ответственности медицинских работников, среди которых: причинение вреда нематериальным благам и, соответственно, использование компенсаций; сложный субъектный состав правоотношений; объем ответственности; возможность причинения вреда правомерными действиями; возможность привлечения к ответственности без вины; реализация договорных и внедоговорных механизмов ответственности; распространение на медицинских работников положений законодательства о защите прав потребителей.

Список литературы:

1. Гзогян С.А., Саргсян Н.М., Суслякова О.Н. Страхование профессиональной ответственности медицинских работников // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – № 8. – С. 78–83.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения 22.10.24)
3. Закон РФ от 7 февраля 1992 N 2300-1 (ред. от 08.08.2024) "О защите прав потребителей" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения 22.10.24)
4. Ковалевский С.М. Некоторые дискуссионные правовые проблемы ответственности за медицинский вред и его возмещение // Социальное и пенсионное право. – 2014. – № 1. – С. 18–28.

5. Сергеев Ю.Д. Ненадлежащее оказание экстренной медицинской помощи (экспертно-правовые аспекты):научно-практическое руководство / Ю.Д. Сергеев, Ю.В. Бисюк; Нац. ассоц. мед. права. – М: Авт. акад.: Товарищество науч. изд. КМК, 2008. – 399 с.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения 22.10.24)
7. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения 22.10.24)

СЕКЦИЯ

«ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ»

ТРУДОВОЙ ДОГОВОР: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Андреева Любовь Александровна
канд. юрид. наук, доцент
кафедры теории и практики управления
Новгородского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы,
РФ, г. Великий Новгород
E-mail: andreeva56@mail.ru

Ющенко Наталья Валерьевна
канд. юрид. наук, доцент, доцент
кафедры гражданского и трудового права
Северо-Западного института управления,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: yuschencko.natalja@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные элементы трудового договора, общие и особенные условия заключения трудовых договоров и отдельные последствия пробелов в законодательстве.

Ключевые слова: трудовой договор, виды, общие условия, особенности отдельных трудовых договоров.

В статье рассматриваются вопросы по правовому регулированию трудового договора (ст. 56 ТК РФ[1]) – соглашения между работодателем и работником, в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу, обусловленную трудовыми правами и обязанностями, обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством, содержащим нормы трудового права, коллектив-

ным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату, а работник обязуется лично выполнять определенные этим соглашением трудовые обязанности в интересах, под управлением и контролем работодателя, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у работодателя.

Трудовой договор является основанием возникновения трудовых отношений (ст. 16 ТК РФ[1]) с помощью которого наемный работник продает работодателю свою рабочую силу, являющуюся товаром, как правило, по причине отсутствия у работника в его собственности средств производства.

Целью трудового договора является урегулирование самого процесса труда, в то время как гражданско-правовой договор направлен на получение результата труда.

Таким образом, трудовой договор носит возмездный и личный характер. Вместе с тем, при заключении трудового договора, работник, принимаемый на работу является «слабой» стороной договора, так как нуждается в работе и часто рассматривает трудовой договор поверхностно.

В соответствии со ст.56.1 Федерального закона от 5 мая 2014 года № 116-ФЗ[2] также заемный труд запрещен.

Отграничивать трудовой договор от гражданско-правового договора, связанного с трудом, необходимо для того, чтобы правильно применять законодательство.

Их разграничение имеет большое практическое значение, поскольку на отношения сторон в гражданско-правовых договорах нормы законодательства о труде не распространяются.[5]

Рассмотрим основные критерии содержания трудового договора, согласно таблице.

Таблица.

Содержание трудового договора

Структура трудового договора	**Содержание трудового договора, его особенности**
1	2
Наименование и вид трудового договора	Трудовые договоры могут заключаться: на неопределенный срок; на определенный срок не более пяти лет (срочный трудовой договор). Если в трудовом договоре не оговорен срок его действия, то договор считается заключенным на неопределенный срок. Верховный Суд РФ указал, что, поскольку ст. 59 ТК РФ предусматривает право, а не обязанность работодателя заключать

Структура трудового договора	Содержание трудового договора, его особенности
	срочный трудовой договор в случаях, предусмотренных этой нормой, работодатель может реализовать это право при условии соблюдения общих правил заключения срочного трудового договора, установленных ст. 58 ТК РФ. [3] Контракт (вид трудового договора) распространен в сфере административных отношений (контракт с государственным гражданским служащим, контракт о прохождении военной службы, о прохождении службы в правоохранительных органах). Обязанность о невозможности заключения трудового договора с работником на неопределенный срок, возлагается на работодателя.
Основания заключения трудового договора	По трудовому договору работник выполняет трудовые обязанности, т.е. работает по конкретной специальности, квалификации, и должности. Указывается наименование должности, специальности, профессии с указанием квалификации в соответствии со штатным расписанием организации.
Характер трудового договора	Трудовой договор имеет личный характер, так как выполнение трудовых обязанностей возможно только лично работником, поскольку трудовой способностью может распорядиться ее обладатель. Трудовой договор – возмездный, в трудовом договоре указывается вознаграждение, которое выплачивается в форме заработной платы по заранее установленным нормам и не ниже минимального размера оплаты труда.
Стороны в трудовом договоре, наименование сторон и их характеристика	Трудовой договор – это двустороннее соглашение (только 2 стороны!). Сторонами трудового договора являются работник и работодатель. Работник – физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем. По общим правилам вступить в трудовое отношение может лицо, достигшее шестнадцати лет (ст. 63 ТК РФ). Работодатель – физическое либо юридическое лицо (организация), вступившее в трудовые отношения с работником. Не могут выступать в качестве работодателей обособленные структурные подразделения (филиалы и представительства), поскольку они не имеют статуса юридических лиц и действуют только от имени создавшего их юридического лица.

Структура трудового договора	**Содержание трудового договора, его особенности**
Основная часть трудового договора	Содержание трудового договора составляет совокупность его условий, определяющих права и обязанности работника и работодателя. Обязательные условия – это такие условия, при отсутствии которых не может быть трудового договора, а, следовательно, и не может возникнуть реальное трудовое правоотношение. Обязательными для включения в трудовой договор являются следующие условия: 1) место работы, а в случае, когда работник принимается в обособленное структурное подразделение, расположенном в другой местности, место работы с указанием обособленного структурного подразделения и его местонахождения; 2) трудовые обязанности (работа по должности в соответствии с оштатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы). 3) дата начала работы, а в случае, когда заключается срочный трудовой договор, – также срок его действия и обстоятельства (причины), послужившие основанием для заключения срочного трудового договора в соответствии с ТК РФ; 4) условия оплаты труда (в том числе размер тарифной ставки или должностного оклада работника, доплаты, надбавки и поощрительные выплаты); 5) режим рабочего времени и времени отдыха (если для данного работника он отличается от общих правил, действующих у данного работодателя); 6) гарантии и компенсации за работу с вредными и (или) опасными условиями труда, если работник принимается на работу в соответствующих условиях, с указанием характеристик условий труда на рабочем месте; 7) условия, определяющие в необходимых случаях характер работы (подвижной, разъездной, в пути и т.п.); 8) условия труда на рабочем месте; 9) условие об обязательном социальном страховании работника в соответствии с ТК РФ и федеральными законами; Характеристики условий труда. Их описание имеет особое значение при работе в тяжелых, вредных или опасных условиях. В этом случае в трудовом договоре следует указывать также полагающиеся работнику компенсации и льготы, если они предусмотрены непосредственно соглашением сторон договора.

Структура трудового договора	Содержание трудового договора, его особенности
	Виды и условия социального страхования, непосредственно связанные с трудовой деятельностью работника, целесообразно конкретизировать в трудовом договоре при условии, что работодатель осуществляет дополнительное (медицинское, пенсионное) страхование работника и в связи с этим производит отчисления в негосударственные страховые фонды.
Факультативная часть трудового договора	Факультативные (дополнительные) условия (об уточнении места работы, рабочего места; об установлении испытательного срока; об установлении неполного рабочего времени; о неразглашении охраняемой законом тайны; об обязанности работника отработать после обучения определенный период времени, если обучение производилось за счет средств работодателя; о видах и об условиях дополнительного страхования работника; о дополнительном негосударственном пенсионном обеспечении работника и др.) не влияют на существование трудового договора. Как необходимые, так и факультативные условия имеют юридическую значимость: Дополнительными условиями (ч. 4 ст. 57 ТК РФ) могут быть: об испытании при приеме на работу; о неразглашении охраняемой законом тайны: государственной, служебной, коммерческой, о персональных данных, об обязанности работника отработать после обучения не менее установленного договором срока, если обучение проводилось за счет средств работодателя; об улучшении социально-бытовых условий работника и членов его семьи; о дополнительном негосударственном пенсионном обеспечении работника.
Срок трудового договора	Предпочтительный вид трудового договора – договор на неопределенный срок. Срочный трудовой договор заключается в случаях, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения. Главным условием заключения срочного трудового договора является объективная невозможность установить постоянные трудовые отношения. Из перечня общих оснований заключения срочного трудового договора в ТК РФ исчезло указание на интересы работника, которое на практике трактовалось как возможность заключения срочного трудового договора на основании письменного заявления работника. Срочный трудовой договор заключается: для замены временно отсутствующего работника, за которым сохраняется

Структура трудового договора	Содержание трудового договора, его особенности
	место работы; на время выполнения временных (до двух месяцев) работ; для выполнения сезонных работ; для выполнения работ, непосредственно связанных с практикой, профессиональным обучением или дополнительным профессиональным образованием в форме стажировки; с гражданами, направленными для прохождения альтернативной гражданской службы. Перечень, содержащийся в ст. 59 ТК РФ, не носит исчерпывающего характера. Прекратить действие этого договора возможно, так как законодатель установил правило, согласно которому работодатель, желающий прекратить трудовые отношения, должен издать приказ об увольнении работника в связи с истечением срока трудового договора, предварительно предупредив работника в письменной форме не менее, чем за три календарных дня до увольнения. Если срок договора истек и ни одна из сторон не потребовала расторжения срочного трудового договора в связи с истечением его срока, а работник продолжает работу, то условие о срочном характере договора утрачивает силу, и трудовой договор считается заключенным на неопределенный срок (ч. 4 ст. 58 ТК РФ). Особенности регулирования труда работников, заключивших трудовой договор на срок до двух месяцев, предусмотрены гл. 45 Трудового кодекса РФ, а занятых на сезонных работах, предусмотрены гл. 46 Трудового кодекса РФ.
Трудовые права сторон договора – работника	Права работника в трудовом договоре целесообразно конкретизировать применительно к конкретной должности, специальности, профессии. Часто это осуществляется посредством должностных инструкций, которые могут прилагаться к трудовому договору. Работник имеет право на: изменение и расторжение договора; предоставление работы и рабочего места; полную и достоверную информацию об условиях труда и требованиях охраны труда на рабочем месте; обеспечение рабочего места оборудованием, инструментами, технической документацией и иными средствами необходимыми для исполнения обязанностей; своевременную и в полном объёме выплату заработной платы; отдых; подготовку и дополнительное профессиональное образование; объединение, включая право на создание и вступление в профсоюзы; участие в управлении организацией; ведение коллективных переговоров и заключение коллективных договоров и соглашений

Структура трудового договора	Содержание трудового договора, его особенности
	через своих представителей; защиту своих трудовых прав, свобод и законных интересов; разрешение индивидуальных и коллективных споров; возмещение вреда, причинённых ему в связи с исполнением трудовых обязанностей, и компенсацию морального вреда; обязательное социальное страхование и др.
Трудовые права сторон договора – работодателя	Права работодателя также указаны в ст. 21 и 22 ТК РФ. Однако в трудовом договоре целесообразно их конкретизировать. Часто это осуществляется посредством должностных инструкций, утвержденные работодателем, которые могут прилагаться к трудовому договору. Работодатель имеет право: изменять и расторгать договор с работником; вести коллективные переговоры и заключать коллективные договоры; поощрять работника; требовать от работника исполнения им трудовых обязанностей и бережного отношения к имуществу работодателя и других работников, соблюдения правил внутреннего трудового распорядка; привлекать работника к дисциплинарной и материальной ответственности; принимать локальные нормативные акты; создавать объединения работодателей и вступать в них; создавать производственный совет; реализовывать права, предоставленные ему законодательством о специальной оценке условий труда и др.
Трудовые обязанности сторон договора – работника	Обязанности работника закреплены в ст. 21 и 22 ТК РФ. В трудовом договоре конкретизируются применительно к конкретной должности, специальности, профессии. Это осуществляется посредством должностных инструкций, которые могут прилагаться к трудовому договору. Работник обязан: добросовестно исполнять трудовые обязанности; соблюдать правила внутреннего трудового распорядка; соблюдать трудовую дисциплину; выполнять установленные нормы труда; соблюдать требования по охране труда и обеспечению безопасности труда; бережно относиться к имуществу работодателя и других работников; незамедлительно сообщать непосредственному или вышестоящему руководителю о возникновении ситуации, которая может представлять угрозу жизни и здоровью людей, сохранности имущества работодателя, работников, сообщать о несчастном случае, произошедшем на производстве, об ухудшении состояния своего здоровья и др.

Структура трудового договора	**Содержание трудового договора, его особенности**
Трудовые обязанности сторон договора – работодателя	Обязанности работодателя: в трудовом договоре целесообразно их конкретизировать применительно к конкретной должности, в том числе посредством должностных инструкций, которые могут прилагаться к трудовому договору. Работодатель обязан: соблюдать трудовое законодательство и нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права; предоставить Работнику работу; обеспечить безопасность и условия труда; обеспечить работника оборудованием, инструментами, технической документацией и иными средствами, необходимыми для исполнения им трудовых обязанностей; обеспечить работнику равную с другими работниками оплату труда равной ценности; выплачивать в полном размере причитающуюся работнику заработную плату в установленные сроки; вести учёт рабочего времени, фактически отработанного работником; вести коллективные переговоры, заключать коллективный договор; предоставлять представителям работников полную и достоверную информацию, необходимую для заключения коллективного договора, соглашения и контроля за их выполнением; знакомить работника под подпись с принимаемыми локальными нормативными актами, непосредственно связанными с его трудовой деятельность; своевременно выполнять предписания федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление федерального государственного надзора за соблюдением трудового законодательства и нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, уплачивать штрафы; рассматривать представления соответствующих профсоюзных органов, иных избранных работниками представителей о выявленных нарушениях трудового законодательства, принимать меры по устранению выявленных нарушений и сообщать о принятых мерах; создавать условия, обеспечивающие участие работников в управлении организацией; обеспечивать бытовые нужды работника, связанные с исполнения им трудовых обязанностей; осуществлять обязательное социальное страхование работника; возмещать вред, причинённый работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей, компенсировать моральный вред и др.

Структура трудового договора	Содержание трудового договора, его особенности
Особые условия трудового договора	Соглашение о неразглашении конфиденциальной информации, договор о полной индивидуальной материальной ответственности, о неразглашении охраняемой государством тайны и конфиденциальной информацию, согласно Положения о коммерческой тайне, о материальной ответственности работников, согласно ст. 70 ТК РФ трудовым договором может быть предусмотрено условие испытания работника в целях проверки его соответствия поручаемой работе, вредные условия труда, Положение о командировках и использование личного транспорта и т.п.
Данные сторон трудового договора	Значение письменной формы трудового договора, прежде всего, заключается в том, что она является надежной гарантией от возможных разногласий между сторонами, связанных с уяснением содержания трудового договора. К сведениям работника – физического лица, вступившего в трудовые отношения относят: фамилию, имя и отчество в соответствии с паспортом или иным документом, удостоверяющим личность. Работодатель – физическое лицо либо юридическое лицо. К сведениям работодателя относят: фамилию, имя и отчество, полное наименование, содержащее указание на организационно-правовую форму; местонахождение; ИНН; сведения о представителе работодателя и основание, по которому он наделен соответствующими полномочиям, которое предусмотрено: учредительными документами; доверенностью; приказом о распределении обязанностей и т.д.. Местонахождение работодателя – юридического лица определяется местом его государственной регистрации на территории Российской Федерации путем указания адреса. Реквизит «Подпись» включает в себя: наименование должности лица, уполномоченного подписывать трудовой договор, в наименование должности включается наименование организации); собственноручную подпись; расшифровку подписи (инициалы, фамилия). Трудовой договор заключается в письменной форме в двух экземплярах, каждый из которых подписывается работником и работодателем. Экземпляр, хранящийся у работодателя, должен содержать подпись работника о получении своего экземпляра договора.

Трудовой договор является двусторонним соглашением, которое представляет собой акт компромисса между работником и работодателем, которые связаны, прежде всего, нормами трудового законодательства, но нельзя не учитывать тот факт, что стороны трудового договора могут проигнорировать указание ч. 3 ст. 57 ТК РФ и не дополнить трудовой договор недостающими условиями.

В научной литературе высказаны мнения по поводу того, что отсутствие хотя бы одного обязательного условия в трудовом договоре должно являться основанием для признания его незаключенным, поскольку стороны не достигли соглашения. Глава 12 ТК РФ содержит правовые основания для внесения сторонами трудовых отношений изменений в трудовой договор в течение всего срока его действия. По общему правилу изменения в условия трудового договора вносятся путем заключения между работником и работодателем дополнительного соглашения, являющегося в дальнейшем неотъемлемой частью трудового договора. Соглашение об изменении условий трудового договора о дистанционной работе может быть заключено путем обмена между работником и работодателем электронными документами с усиленными квалифицированными цифровыми подписями (ч. 4 ст. 312.1 ТК РФ).

Важно разграничивать категории, как "признание договора незаключенным" и "признание договора недействительным".

Вряд ли можно считать равнозначными понятиями "заключение недействительного договора" и "ненадлежащее оформление трудового договора". В настоящее время ненадлежащее оформление трудового договора является правонарушением, влекущим административную ответственность.

Не вдаваясь в дискуссию относительно необходимости регламентации вопроса о недействительности трудового договора в современных условиях, авторы отмечают, что трудовое законодательство РФ не содержит каких-либо норм о недействительности трудового договора, а можно сделать вывод лишь о недействительности отдельных условий трудового договора, которые ограничивают права и снижают уровень гарантий работников по сравнению с установленными трудовым законодательством.

Законодатель указывает, что такие условия в случае включения в договор не подлежат применению, хотя и не представляет недействительными условиями.

Ученые-юристы в теории трудового права трудовой договор рассматривают[4] с нескольких точек зрения. Вместе с тем, трудовой договор носит индивидуальный характер и в нем определены особенно-

сти правового регулирования трудовых отношений для конкретного работника.

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения 21.10.2024).
2. Федеральный закон от 5 мая 2014 года № 116-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 05.05.2014 N 116-ФЗ //URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162598/ (дата обращения 21.10.2024).
3. Постановление Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8223/ (дата обращения 21.10.2024).
4. Трудовое право России : учебник / под ред. К.Н. Гусова, В.Н. Толкуновой. М., 2005. 496 с. ; Трудовое право России : учебник для бакалавров / А.В. Завгородний и др. ; ред. Е.Б. Хохлов, В.А. Сафонов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2013. 673 с
5. Андреева Л.А., Трухина И.Н. Об имплементации норм гражданского права в трудовом договоре // Актуальные проблемы юриспруденции: сб.ст. по матер. LXXV1 межд.науч.практ.конф. № 11 (75). – Новосибирск, 2023. С.93-98

СЕКЦИЯ

«УГОЛОВНОЕ ПРАВО»

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ, КАК НЕОБХОДИМОГО ЭЛЕМЕНТА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ашуров Меер Шалумович
соискатель
кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Смоленский государственный университет,
РФ, г. Смоленск
E-mail: po4ta.uchebnaja@yandex.ru

ON THEISSUE OF IMPROVING THE MEHANISM OF CRIMINAL LEGAL DEFENSE AS A NECESSARY ELEMENT IN THE SYSTEMOF ENSURING ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Meer Ashurov
Applicant
of the Department of Criminal Law,
Smolensk State University,
Russia, Smolensk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию вопросов совершенствования механизма уголовно-правовой защиты экономической безопасности Российской Федерации. В статье проанализированы дискуссионные вопросы, касающиеся глобализации и интеграции международных организаций в суверенную политико-экономическую систему государства. Исследован вопрос, связанный с влиянием глобализации на экономическую безопасность государства и необходимость создания механизма уголовно-правовой охраны экономической безопасности государства. Исследованы подходы, касающиеся совершенствования

механизма уголовно-правовой ответственности за преступления, посягающие на экономическую безопасность Российской Федерации.

ABSTRACT

The article analyzes the debatable issues concerning globalization and integration of international organizations into the sovereign political-economic system of the state. The question related to the impact of globalization on the economic security of the state and the need to create a mechanism of criminal-legal protection of economic security of the state is studied. The approaches concerning the improvement of the mechanism of criminal-legal responsibility for crimes that infringe on the economic security of the Russian Federation have been studied.

Ключевые слова: экономическая безопасность государства, национальный суверенитет, механизм уголовно-правовой охраны, глобализация, интеграция, преступления.

Keywords: economic security of the state, national sovereignty, mechanism of criminal-legal protection, globalization, integration, crimes.

В настоящее время, правовые институты и внутригосударственные системы национального законодательства, как в развитых, так и развивающихся странах, а так же система международного права в целом, проходят сложный многоступенчатый путь преобразования, внутреннего совершенствования и развития, для соответствия тем глобальным мировым тенденциям и задачам, которые характерны для современного общества.

Вместе с тем, важно отметить, что современный миропорядок, на данном этапе своего развития, устанавливает условия, для которых сложные многоуровневые глобаллизационные мировые процессы, напрямую и непосредственно связанные с развитием механизма интеграции политических, экономических и правовых межгосударственных институтов в сферу национальных государственных интересов отдельно взятой страны, являются нормой.

В связи с указанным, в научной среде закономерно обращается непосредственное внимание на сам механизм интеграции международных систем в суверенные интересы государства, а также на его положительные и отрицательные моменты. В научной литературе отмечено, что одной из актуальных тенденций современности является увеличение интеграционных процессов, в которые вовлечены государства всех континентов[2, с. 11].

При этом среди положительных моментов международной интеграции и глобализации, выделяется объединение экономических рын-

ков и товарооборота между странами в единую экономическую систему, а также открытое, неограниченное перемещение денежных масс и товарооборота между странами[4, с. 1293], также среди основного позитивного момента ученые выделяют создание базиса для решения и устранения глобальных проблем человечества[9, с. 67].

Между тем, в противовес позитивным моментам, одной из главных негативных сторон международной интеграции и глобализации ученые выделяют ослабление национального суверенитета, указывая при этом на то, что трансграничное перемещение рабочей силы, финансовые и медийные потоки служат основой для ослабления государственного суверенитета[1, с. 25].

Действительно, на данном этапе современности невозможно представить развитие любого государства в отрыве от всего мирового сообщества. В связи с этим международные интеграционные процессы представляют собой некий необходимый фактор развития и совершенствования государственных систем. При этом, подобная интеграция, при отсутствии надлежащего правового контроля за теми процессами и механизмами происходящими внутри нее, способна нанести серьезный вред суверенным интересам государства.

Вместе с тем, отдельно следует учитывать современные реалии в международном поле, когда определенные страны-участницы международных организаций, используя свое политическое и экономическое влияние пытаются ослабить не только интеграционные процессы, происходящие между другими участниками международного сообщества, вводя элементы санкционной политики, а создать куда более разрушительные механизмы, влияющие непосредственно на суверенитет государства. Для примера можно привести действия западных стран по введению беспрецедентного санкционного режима в отношении Российской Федерации[6, с.53], активизации политики, направленной на создание помех для укрепления субъектности региональных игроков в Азии, Африке и Латинской Америке[11, с. 161].

В связи с указанным, особую, и наиболее важную макро роль в защите государственных национальных интересов Российской Федерации занимает развитие уголовно-правового механизма способного обеспечить надлежащую защиту экономической безопасности государства. При этом, вопрос реализации данного механизма в правовом аспекте, непосредственно связан с развитием и совершенствование института уголовно правовой ответственности, путем внесения в него необходимых составов преступлений, посягающих на экономическую безопасность Российской Федерации, и обеспечивающих ее стабиль-

ность, как внутри государства, так и в области международных правоотношений.

Стоит отметить, что вопросам совершенствования механизма обеспечения экономической безопасности Российской Федерации и ранее уделялось значительное внимание, как со стороны научного сообщества[10], так и со стороны президента[7, 8] и органов государственной власти [3]. Однако, несмотря на особый статус такого направления в области обеспечения национальных интересов Российской Федерации, как экономическая безопасность государства, рассматриваемая категория долгое время представляла основной интерес для ученых-экономистов, и как следствие их научные изыскания приводили к созданию теорий по защите экономической безопасности государства, базирующихся в основном на экономической науке.

Вместе с тем, закономерен вывод о том, что рассмотрения механизма обеспечения экономической безопасности государства невозможно без рассмотрения данного вопроса с точки зрения теории права и, как следствие обязательного последующего закрепления механизма уголовно-правовой охраны данного объекта в федеральном законодательстве.

Важно обратить внимание, что в настоящее время в отечественной правовой науке произошел определенный сдвиг, связанный с интересом к рассматриваемому вопросу.

Между тем, до настоящего времени существует множество дискуссионных вопросов в области развития и совершенствования механизма уголовно-правовой охраны экономической безопасности государства, а также путей его законодательного закрепления. Помимо этого, одной из основных проблем по реализации данного механизма является наличие обстоятельства, согласно которому развитие института уголовной ответственности в рамках рассматриваемой области, не всегда идет в ногу с построением современных общественных правоотношений, служащих основой для обеспечения стабильности экономической безопасности государства.

Отдельно необходимо обратить внимание на то, что при более подробном анализе механизма уголовно-правовой охраны экономической безопасности государства, усматривается, что в данной области законодателем действительно проделана огромная работа по закреплению не только общественных правоотношений, подлежащих уголовно-правовой охране, но и составов самих преступлений, посягающих на экономическую безопасность государства. В связи с этим в теории права справедливо обращено внимание на то, что в действующем уголовном законодательстве содержится обширный перечень преступле-

ний, в которых в качестве объекта преступного посягательства будет выступать экономическая безопасность государства[10, с. 100]. Действительно, в настоящее время различными учеными выделяется достаточно обширный перечень преступлений, тем или иным образом посягающих на основы экономической безопасности Российской Федерации.

Вместе с тем, как и в любой развивающейся системе, в системе уголовного законодательства существуют определенные дискуссионные вопросы и правовые пробелы, которые подлежат устранению в ходе развития самого законодательства.

Например, в теории права неоднократно обращалось внимание на налоговые преступления, как одно из наиболее опасных деяний, посягающих на экономическую безопасность государства. При этом среди дискуссионных вопросов требующих решения при рассмотрении преступлений данной направленности, одним из наиболее обсуждаемых является вопрос, связанный с отсутствием в действующем уголовном законодательстве статей предусматривающих уголовную ответственность за уход субъектов налогообложения от налогового бремени с помощью использования криптовалют или с использованием цифровых платежных средств[10, с. 125]. Действительно, отсутствие в законодательстве четкой санкции за подобного рода деяния создают определенные сложности в квалификации данного рода преступлений.

Не менее дискуссионным вопросом в данной области является вопрос связанный с попыткой внесения изменений в ч.2 ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями». Например, еще в 2022 году была предпринята попытка дополнений в данную часть статьи. Предлагалось дополнить статью положением о деянии совершенном в целях исполнения решения иностранного государства. Безусловно, наличие предложений о данной поправке указывает на попытки реформировать институт уголовно-правовой ответственности в виду складывающихся реалий.

Вместе с тем в настоящий момент рассмотрение данного вопроса отложено на более поздний срок. Между тем, данная поправка образовала вокруг себя множество споров и дискуссий, что позволяет утверждать о необходимости дальнейшего обсуждения развития законодательства в данной области.

Остается дискуссионным вопрос о целесообразности создания системы специализированных государственных органов, занимающихся вопросами обеспечения уголовно-правовой охраны экономической безопасности государства. Вместе с тем создание структурированного органа, как элемента уголовно-правового механизма направленного на

реализацию действий по привлечению субъектов к уголовно-правовой ответственности за преступления в области экономической безопасности представляется важным направлением государственной политики и требует дальнейшей разработки.

Отсутствие подобного нормативно закрепленного механизма создает существенный дисбаланс в области обеспечения экономической безопасности государства. Существующий дисбаланс и пробелы в законодательстве, в свою очередь служат причиной нанесения существенного ущерба национальным интересам Российской Федерации.

Подводя итог всему вышеуказанному, следует отметить, что в настоящее время, учитывая важность и приоритетность задач по обеспечению защиты национальных интересов и государственного суверенитета, стоящих перед руководством Российской Федерации, создание действующего и нормативно-закрепленного механизма уголовно-правовой охраны экономической безопасности государства и уголовно-правовой ответственности за преступления в данной области, представляется одной из наиболее приоритетных целей государственной политики в области совершенствования законодательства.

Список литературы:

1. Кудёлка О.С. Влияние глобализации на суверенитет государства // Скиф. – 2018. – №2 (18). – С. 24-28;
2. Международное правосудие как фактор интеграции: монография / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, А.М. Белялова и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер; предисл. В.М. Лебедева. – Москва : ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2019. 192 с.;
3. Постановление Правительства РФ от 27.12.1996 N 1569 «О первоочередных мерах по реализации Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положений), одобренной Указом Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. N 608» // "Собрание законодательства РФ", 13.01.1997, N 2, ст. 240;
4. Сапунов А.В., Летягина Э.Д. Оценка последствий процесса глобализации мировой экономики // Форум молодых ученых. – 2018. – №4 (20). – С. 1291-1295;
5. Селивановская Ю.И., Сбоева И.М. Преступления, посягающие на экономическую безопасность Российской Федерации // ВЭПС. – 2021. – №4. – С. 99-102;
6. Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – №6. – С. 52-67;

7. Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // «Собрание законодательства РФ», 15.05.2017, N 20, ст. 2902;
8. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 05.07.2021, N 27 (часть II), ст. 5351;
9. Шмаль О.В. Глобализация мировой экономики: позитивные и негативные последствия // Проблемы современной экономики: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. Ж.А. Мингалевой, С.С. Чернова. – Новосибирск: ООО агентство «СИБПРИНТ», 2013. С. 66-71;
10. Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения): монография / отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: ООО «Юридическая фирма КОНТРАКТ», 2021. 320с.;
11. Яковенко А.В. Новые угрозы в развитии международной обстановки. За горизонтом будущего // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире. XXI Международные Лихачевские научные чтения 25-26 июня 2023 года. СПб.: СПбГУП, 2023. С. 160-163.
12. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023 г.) // URL: https: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 / (дата обращения 14.10.2024)

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Гомбожапов Зэгбэ Энхэевич
магистрант,
кафедра уголовного права,
процесса и криминалистики
Бурятский государственный
университет имени Доржи Банзарова,
РФ, г. Улан-Удэ
E-mail: Zengbe@mail.ru

В предупреждении преступлений экстремистской направленности особое место занимает изучение личности преступника-экстремиста. Исследование особенностей такой личности позволяет эффективно противодействовать преступлениям рассматриваемой категории, поскольку именно человек с определенным набором черт характера является носителем причин экстремистских проявлений. На основе изучения личности такого преступника правоохранительные органы могут делать вывод о мотивах подобного поведения с тем, чтобы определять актуальные направления противодействия преступлениям экстремистской направленности [2, с. 162].

Социально-демографические признаки выступают существенным компонентом обобщенного представления о личности экстремиста и имеют важное значение для разработки и осуществления мер профилактики преступного поведения [1, с. 43]. Сюда можно отнести пол, возраст, образование лица, а также его социальное, материальное, семейное положение и род занятий.

По данным исследования, проведенным в работе А.Ю. Розум, преступления экстремистской направленности, преимущественно совершаются мужчинами, нежели женщинами (93 %). Из них, большинство преступлений экстремистской направленности совершаются молодежью, то есть лицами в возрасте от 14 до 30 лет. Часть из них имеет среднее образование – 63 %. Больше половины (56 %) экстремистов не имеют постоянного источника дохода и постоянной работы, часть из них находится на иждивении, 23 % занимаются случайными заработками. Что касается места проживания, то 87 % экстремистов проживает в городе, а оставшаяся часть в сельской местности [6, с. 247].

Рассматривая уголовно-правовые признаки личности современного экстремиста, можно отметить, что большинство преступлений

экстремистской направленности совершаются, как в молодежной среде, так и с использованием информационной сети «Интернет». Молодой экстремист под влиянием организаторов и руководителей экстремистских организаций, зачастую чувствует себя увереннее и смелее, тем самым с легкостью принимает решение о совершении преступлений [2, с. 164].

Материалы судебной практики свидетельствуют о том, что среди наиболее часто совершаемых преступлений были деяния, предусмотренные ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества» [7]. Анализируя гендерную принадлежность лиц, совершивших преступления экстремисткой направленности, можно прийти к выводу, что среди осужденных 96,7% составляют мужчины и, соответственно, 3,3% – женщины. Рассматривая женскую преступность в контексте экстремисткой деятельности, важно отметить, что в подавляющем большинстве роль женщины в совершении преступления сводилась к пособничеству либо подстрекательству и только в исключительных случаях лица женского пола выступали в качестве исполнителя [8].

Следующий аспект, который необходимо проанализировать в рамках криминологической характеристики личности экстремиста – наличие брачно-семейных отношений. Согласно статистическим данным, более 90% лиц, осужденных за экстремизм, не состояли в официально зарегистрированном браке. Более того, большинство преступлений экстремистского характера совершаются лицами, воспитывавшимися в неполных семьях, либо семьях с непостоянным доходом. Таким образом, можно сделать вывод, что одной из основных причин девиантного поведения лиц, в том числе лиц, занимающихся экстремисткой деятельностью, является неблагополучное близкое окружение, где внутрисемейные отношения обременены конфликтами на почве сложного материального положения.

Еще одним немаловажным критерием для характеристики личности экстремиста является уровень его образования. Нельзя отрицать, что уровень образования напрямую зависит от жизненных установок личности, ее стремлений к определенному социальному статусу, положению в обществе. Согласно статистическим данным, неполное среднее образование имеют 11% граждан, осуждённых за экстремизм, среднее – 47%, среднее специальное – 30%, высшее – 7%, неоконченное высшее – 5%. Приведенные данные свидетельствуют о том, что

возрастной критерий и критерий уровня образования находятся во взаимосвязи и при криминологической характеристики личности неотделимы друг от друга [5, с. 170].

По национально-религиозному признаку среди экстремистов преобладают русские (70%), а на втором месте находятся чеченцы (12%), 76% осужденных по экстремистским статьям исповедуют православие и ислам [6, с. 248].

В заключении, аккумулируя приведенные черты личности преступника, совершающего преступления экстремистской направленности, выделим следующие типы личности преступника-экстремиста:

а) экстремист-лидер, выступающий организатором всего процесса, возглавляет организацию, в которой устанавливает жесткие правила, ставит четкие цели и задачи, вводит ответственность за несоблюдение дисциплины. Возраст 40-50 лет, наличие образования и семьи, выраженные склонности к творчеству, трудолюбию, религиозности;

б) экстремист-исполнитель – лица, принимающие непосредственное участие в преступной деятельности, каждый из них имеет свои мотивы. Характеризуется возрастным цензом от 14 до 30 лет, низким образовательным уровнем, отсутствием жизненных ценностей и работы;

в) экстремист-мститель – наделен личной установкой, вера в идеологию доходит до фанатизма [4, с. 599].

Таким образом, криминологическое исследование личности преступника, совершающего преступления экстремистской направленности, позволяет сформировать представление о социально-демографических, уголовно-правовых признаках личности экстремиста. Преступник-экстремист в большинстве случаев лицо мужского пола, в возрасте от 15 до 40 лет, имеющее среднее специальное образование, не имеющее официального источника дохода, чаще всего состоящее в браке, зачастую ранее не судимое [3, с. 224].

Список литературы:

1. Абдулганеев Р.Р., Миронов С.Н. Криминологический портрет личности современного экстремиста // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – № 1 (31). – С. 42-47.
2. Алферов С.Н. Криминологический портрет личности современного экстремиста // III Байкальский юридический форум: материалы международных научно-практических конференций и конкурса молодых ученых. – Иркутск: Изд-во «БГУ», 2023. – С. 162-165.
3. Коваленко П.А. Криминологическая характеристика личности, совершающей преступления экстремистской направленности // Modern Science. – 2021. – № 5-1. – С. 219-224.

4. Комиссаров В.А. Характеристика личности преступника-экстремиста // Наука, образование, инновации: апробация результатов исследований: материалы международной (заочной) научно-практической конференции. – 2019. – С. 597-601.
5. Константинова А.А. Криминологическая характеристика личности экстремиста // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: сборник статей по результатам III международной научно-практической конференции. – Симферополь: Изд-во «Ариал», 2024. – С. 166-175.
6. Розум А.Ю. Криминологическая характеристика личности экстремиста // Уголовное право в эволюционирующем обществе: сборник научных статей научно-практической конференции молодых учёных и студентов. – Курск: Изд-во «Юго-Западный государственный университет», 2023. – С. 245-250.
7. Данные судебной статистики / Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт // Режим доступа: www.cdep.ru (Дата обращения: 21.09.2024).
8. Социальный портрет преступности / Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации: официальный сайт // Режим доступа: http://crimestat.ru/social_portrait (Дата обращения: 21.09.2024).
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 03.10.2024).

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Гомбожапов Зэгбэ Энхэевич
магистрант,
кафедра уголовного права,
процесса и криминалистики
Бурятский государственный
университет имени Доржи Банзарова,
РФ, г. Улан-Удэ
E-mail: Zengbe@mail.ru

Протекающий в мировом сообществе процесс информатизации общества, повлиявший на стремительный рост производства технических средств передачи информации, а также развития информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, оказал сильное влияние на трансформацию привычных способов совершения преступления. Наряду со всеми положительными качествами, они являются идеальными средствами для совершения преступлений экстремистского характера и площадкой для пропаганды экстремистской идеологии [5, с. 58]. Это заставило отечественного законодателя приспосабливаться к современным реалиям и совершенствовать уголовное законодательство в сфере противодействия экстремистским преступлениям, совершаемым в еще мало изученной и законодательно регулируемой сети Интернет [6, с. 40].

Вследствие непрерывных процессов цифровизации, преступления экстремистской направленности приобретают характерный квалифицирующий признак – совершение с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В 2014 г. начался процесс дифференциации уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности. В положениях ч. 2 ст. 280, ч. 1 ст. 282 УК РФ были дополнены следующие формулировки после слова «информации» – «либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет [3]. Часть 2 ст. 280.1 УК РФ была дополнена конструкцией такого содержания: деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) [2]. Впоследствии в 2022 г. уголовное законодательство было дополнено ст. 280.4, п. «в» ч. 2 УК

РФ [1] которой предусматривает ответственность за «публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства, с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет» [7, с. 527].

При этом усиливающийся мониторинг правоохранителями Интернета в части экстремистской деятельности заставляет экстремистов переходить в закодированные («закрытые») сети Интернета, так называемые, «ДаркНет» («Скрытая сеть», «Темный интернет», «Тёмная сеть», «Теневая сеть», «Тёмный веб») и «Глубинный Интернет» («Глубокая сеть», «Невидимая сеть», «Глубокая паутина», «Глубокий интернет»), где осуществляется вербовка, связь с кураторами, оплата экстремистской деятельности, распространяются методические рекомендации по совершению указанных преступлений [9]. При этом отмечаются проявления множественности преступлений данного вида с различными формами соучастия, в том числе «перекрестного». В них вовлекаются лица разного возраста, обладающие компетенциями в использовании современных информационных технологий, что активно используется членами экстремистских сообществ и организаций [4, с. 28].

В настоящее время при решении вопроса о степени общественной опасности преступлений экстремистской направленности возникает две основные проблемы, а именно: неопределенность понятийно-категориального аппарата и сложности при решении вопроса о применении института малозначительности к указанной категории преступлений.

В этой связи необходимо четко обозначить, какие именно моменты необходимо учитывать при решении вопроса о наличии признаков состава преступления. Например, деяние, связанное с распространением экстремистской информации посредством информационно-телекоммуникационных технологий, не может быть признано малозначительным в случаях:

1) Если оно сопровождалось действиями, направленными на увеличение реальной аудитории реципиентов размещенной информации (неоднократная пересылка, параллельное вовлечение лиц в деятельность экстремистской организации и т.п.);

2) Если распространение экстремистской информации повлекло существенный «отклик» со стороны пользователей, выразившийся в копировании и последующей рассылке данной информации третьими лицами.

3) Если распространение информации вызвало общественный резонанс, привело к проведению массовых мероприятий, несанкционированных гражданских акций.

В части дополнения законодательного акта, целесообразно распространить действия п. 8.1. Постановления Пленума Верховного Суда от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности» не только на оценку действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по соответствующим признака (ст. 282 УК РФ), но и на все преступления экстремистской направленности, связанные с публичным распространением информации [8, с. 104]. Определение понятия «преступления экстремистской направленности», содержащегося в примечании 2 ст. 282.1 УК РФ, следует дополнить исчерпывающим перечнем статей УК РФ к ним относящихся. Это позволит избежать слишком широкого его толкования, что в свою очередь необоснованно расширяет круг преступлений, относящихся к исследуемой категории, а также отягощает реализацию государственных стратегий по борьбе с экстремистской деятельностью и работу правоохранительных органов.

Следует дополнить п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ такими формами соучастия – группой лиц и группой лиц по предварительному сговору. На международном уровне необходимо разработать эффективный механизм сотрудничества в области предоставления правоохранительным органам других государств информации о личных данных и переписках экстремистских пользователей крупных интернет-сервисов (хотя в данный период времени, находясь под невиданным ранее санкционным и информационным давлением, вряд ли это возможно с рядом развитых стран). Следует постоянно обновлять материально-техническую базу рабочих мест сотрудников правоохранительных органов. С целью обеспечения новейшими техническими средствами и программными обеспечениями, необходимыми для выявления и пресечения экстремистских преступлений в интернете, а также установлении личности преступника. Помимо этого, нужно обеспечить регулярное прохождение обучения сотрудниками оперативных подразделений, в работе с современными техническими средствами [6, с. 41].

Список литературы:

1. Федеральный закон от 14.07.2022 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421797 (Дата обращения: 21.09.2024).

2. Федеральный закон от 21.07.2014 № 274-ФЗ «О внесении изменений в статью 280[1] Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165925/#dst100009 (Дата обращения: 21.09.2024).
3. Федеральный закон от 28.06.2014 № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164858 (Дата обращения: 21.09.2024).
4. Бычков В.В. К вопросу об актуальности научных исследований проблем противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Проблемы противодействия киберпреступности: материалы международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во «Московская академия Следственного комитета РФ», 2023. – С. 26-31.
5. Владимиров Д.М. Некоторые причины возникновения и распространения экстремизма // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты. – 2019. – № 16. – С. 56-59.
6. Владимиров Д.М. Уголовно-правовые средства противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет // Криминологический журнал. – 2023. – № 3. – С. 40-45.
7. Лихачев Н.А. Проблемы квалификации и определения преступлений экстремистской направленности // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летнему юбилею профессора В.П. Коняхина: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Краснодар: Изд-во «Кубанский государственный университет», 2024. – С. 527-530.
8. Редозубов К.А. Характер и степень общественной опасности преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистическое обеспечение безопасности Российской Федерации в финансовой сфере (65-е ежегодные Криминалистические чтения): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во «Академия управления МВД России», 2024. – С. 99-104.
9. За посещение каких сайтов Даркнета вас могут посадить? // Режим доступа: https://deadlylaugh.ru/walPiM11111116_56 (Дата обращения: 21.09.2024).
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 03.10.2024).
11. Постановление Пленума Верховного Суда от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности» URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 03.10.2024).

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Куприянов Дмитрий Олегович
магистрант,
кафедра уголовного права,
процесса и криминалистики,
Бурятский государственный
университет имени Доржи Банзарова,
РФ, г. Улан-Удэ
E-mail: kdo.d.2401@gmail.com

Статья 24 Федерального закона «Об оружии» закрепила положение, согласно которому граждане РФ могут применять имеющееся у них на законных основаниях оружие для защиты жизни, здоровья и собственности в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости. Применению оружия должно предшествовать четко выраженное предупреждение об этом лица, против которого применяется оружие, за исключением случаев, когда промедление в применении оружия создает непосредственную опасность для жизни людей или может повлечь за собой иные тяжкие последствия. При этом применение оружия в состоянии необходимой обороны не должно причинить вред третьим лицам [2]. Закон ограничивает самооборону практически одним видом оружия – огнестрельным гладкоствольным, которое разрешено лишь приобретать и хранить. Владелец обязан держать его в сейфе отдельно от патронов, что затрудняет его использование при внезапном нападении, например, дома [3]. Рационально, на мой взгляд, было бы либо исключить это положение, либо разрешить перемещение оружия с соблюдением особых условий.

Также хочу затронуть такую проблему как применение необходимой обороны других законных прав и свобод, к которым можно отнести, например, имущественные права. Дело в том, что действующее законодательство не содержит в себе четкого разъяснения применения необходимой обороны при посягательстве на такое имущество. Да, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [4] закреплено, что к посягательствам, защита от которых допустима, относятся, например, незаконное проникновение в жилище против воли проживающего в нем лица, не сопряженное с насилием. А также при

выяснении вопроса, являлись ли для оборонявшегося лица неожиданными действия посягавшего, вследствие чего оборонявшийся не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения суду следует принимать во внимание время, место, обстановку и способ посягательства, предшествовавшие посягательству события, а также эмоциональное состояние оборонявшегося лица, например, посягательство в ночное время с проникновением в жилище, когда оборонявшееся лицо в состоянии испуга не смогло объективно оценить степень и характер опасности такого посягательства [4]. Из этого кажется логичным включить в Уголовный кодекс РФ [1] положение о необходимой обороне частной собственности. Такое изменение позволит гражданам защищать свою собственность от противоправных посягательств с применением необходимой и соразмерной силы, не опасаясь привлечения к уголовной ответственности [5, с. 254].

Проблема «запоздалой» или «преждевременной» обороны также является актуальной. Обороняющемуся часто бывает сложно определить момент, когда нападение уже завершено или, когда еще нельзя считать начавшемся. В этой ситуации лицо, принявшее превентивные меры будет подвергнуто Уголовной ответственности, даже если угроза была бы реальной.

Также в настоящее время остаются неразрешёнными следующие проблемы применения института необходимой обороны:

1) включение характеристики личности посягающего в ст. 37 УК РФ (буйный алкоголик, наркоман, рецидивист и т.д., т.е. данные о преступнике, которые существенно повышают общественную опасность нападения и требуют более решительных мер противодействия);

2) расширение в уголовном законе количества объектов посягательства, при защите которых возможно причинение любого вреда посягающему (здоровье, половая неприкосновенность и половая свобода, защита от противоправного насильственного вторжения в жилище, случаи группового и вооружённого нападения);

3) обязательность оценки психологического состояния защищающегося для признания правомерности необходимой обороны (страх, испуг, сильное душевное волнение и т.д.).

Дальнейшее развитие законодательства и практики его применения позволит найти решения, способствующие развитию института необходимой обороны как важнейшего элемента права обороняющегося на свою защиту [6, с. 228].

Институт необходимой обороны нуждается в реформе, связанной с конкретизацией некоторых ключевых понятий, с выделением конкретных признаков необходимой обороны. К таким понятиям можно

отнести: «насилие, сопряженное с опасностью для жизни» – законодатель не дает определения, что есть опасное для жизни насилие, а еще более спорным и широким в толкование является «непосредственное применение такого насилия». Человек, столкнувшийся с такой ситуацией, просто не сможет определить является ли угроза опасной для его жизни. Также не стоит забывать, что любая мелкая угроза может перерасти в угрозу для жизни, и наоборот. Еще к группе таких понятий стоит отнести оценочные понятия, например, «явно». Также законодателем и Постановлениями Пленума ВС РФ была упущена ситуация, когда человек использует оружие или другие средства для своей защиты. Ни Пленум, ни законодатель не конкретизирует пределы необходимой обороны при этом условии. Также стоит выделить конкретные признаки необходимой обороны. По нашему мнению, к ним стоит отнести: неспособность избежать причинения вреда нападающему; наличие в действиях нападающего объективной стороны; нанесенный ущерб общественным отношениям не должен быть больше потенциально причиненного.

Более подробные обзоры судебной практики, а также создание нормативно-правовых актов, конкретизирующих те или иные положения института необходимой обороны, которые позволят правоприменителю более четко квалифицировать действия обороняющегося, будут также способствовать развитию данного уголовно-правого института [7, с. 1956].

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС КонсультантПлюс – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (Дата обращения: 21.09.2024).
2. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 08.08.2024) // СПС КонсультантПлюс – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679 (Дата обращения: 21.09.2024).
3. Постановление Правительства РФ от 21.07.1998 № 814 (ред. от 29.05.2023) «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19504 (Дата обращения: 21.09.2024).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // СПС КонсультантПлюс – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861 (Дата обращения: 21.09.2024).
5. Родионова А.А. Проблемы доказывания состояния необходимой обороны // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5-4 (92). С. 253-255.
6. Сухова О.В. Оценка правового регулирования института необходимой обороны // Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 25-летию кафедр уголовного права и криминологии, уголовного процесса и правоохранительной деятельности. Ижевск: Изд-во «Удмуртский государственный университет», 2024. С. 223-229.
7. Хромов Т.С. Проблемы уголовно-правового института необходимой обороны // Право и правосудие в современном мире: сборник научных статей молодых исследователей. Санкт-Петербург: Изд-во «Астерион», 2024. С. 1952-1957.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Хубусгеева Дугарма Гуржабовна
магистрант,
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия,
РФ, г. Иркутск
E-mail: khub1@mail.ru

Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) [1] хотя и предусматривает определенные положения, в которых проявляется гуманистический подход к решению вопросов, связанных с применением к несовершеннолетним уголовного наказания, некоторые наказания, как, например, конфискация имущества, к несовершеннолетним вообще не могут применяться, но реализация этих положений на практике вызывает определенные трудности.

Главная сложность назначения уголовного наказания к несовершеннолетним в настоящее время состоит в том, что к ним почти невозможно применять наказания, не связанные с лишением свободы. Другие виды наказания, применение которых возможно в настоящее время в отношении несовершеннолетних, как правило, связаны с трудовой деятельностью, но их применение ограничено низким уровнем экономической активности этой категории лиц. Проблемой исполнения наказания, связанного с влиянием на имущественные интересы осужденного несовершеннолетнего, чаще всего отсутствие у него самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть возложено взыскание. Это объясняется тем, что на работу несовершеннолетнего не принимают из-за возраста или отсутствия спроса, или недостаточного уровня профессионального образования. Лишение права заниматься определенной деятельностью как вид наказания вообще не применяется. Исправительные работы составляют, как правило, 0,25 % от общего количества назначенных несовершеннолетним наказаний. Таким образом, реально «действующие» наказания, влияющие на имущественные интересы осужденного несовершеннолетнего и альтернатива наказаниям, связанным с изоляцией от общества в общем количестве, составляют чуть более 1 % [4, с. 75].

Суд при рассмотрении дела, обвиняемым в котором выступает несовершеннолетний, должен рассматривать возможность применения в отношении него, прежде всего, принудительных мер воспитательно-

го воздействия. Полагаем, данное положение должно найти отражение в нормах уголовного закона, в частности, предлагаем дополнить ст. 90 УК РФ абзацем следующего содержания: «Суд в каждом случае совершения преступления несовершеннолетним должен рассматривать наличие оснований для назначения, прежде всего, принудительной меры воспитательного характера независимо от степени тяжести преступления, которая по своей правовой природе не является наказанием». Это положение будет способствовать выбору необходимой формы реализации уголовной ответственности, а не ориентировать суды на выбор наиболее строгой ее формы – уголовного наказания [4, с.74]. Об этом свидетельствуют результаты исследований. Например, И.И. Карпец, указывал, что изоляция от общества при лишении свободы – особо строгая форма государственного принуждения, которая в отношении несовершеннолетних должна применяться в качестве крайней меры [5, с. 33].

Некоторые авторы, подвергая сомнению объективность некоторых характеристик виновных, выданных по месту учёбы, работы или проживания несовершеннолетних, отмечают, что «характеристики составляют лица, знающие подростка длительное время, и довольно часто, даже зная о негативных сторонах характера ребенка, должностные лица характеризуют его положительно, руководствуясь ложными мотивами (дабы не сломать жизнь несовершеннолетнему). Кроме того, характеристика может быть отрицательной и для положительно зарекомендовавших себя ранее подростков, с целью сокрытия того факта, что данная организация вовремя не оказала на несовершеннолетнего соответствующего воспитательного воздействия» [6, с. 337].

В этой связи представляется целесообразным, с целью обеспечения принципа законности и обоснованности решения, привлекать к работе с несовершеннолетним сторонних психологов и педагогов, которые могли бы дать непредвзятую оценку личности несовершеннолетнего, а их заключение использовалось бы судом в совокупности с характеристиками, собранными на стадии досудебного производства [7, с. 316].

Несовершеннолетних в силу возраста судят более снисходительно. Например, 18% от всех таких осужденных суд приговорил к наказанию в виде реального лишения свободы, другие получили условный срок – 37%, обязательные работы – 17%, штраф – 10% [9].

При этом, значительная доля несовершеннолетних совершает преступления группой, что свидетельствует о повышенной общественной опасности многих из них и, следовательно, требует применения наказаний повышенной строгости. Результаты анкетирования по-

казали, что к большинству несовершеннолетних лиц, осужденных к лишению свободы, этот вид наказания был применен за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в составе группы [3, с. 151]. С другой стороны, статистический анализ сведений о личности несовершеннолетних подсудимых выявляет и ряд факторов, которые объективно ограничивают применение наказания в виде лишения свободы. Выборочные сведения показывают, что в среднем 13-15% несовершеннолетних подсудимых имеют возраст 14-15 [8, с. 114].

Вместе с тем, авторы считают, что при этом у несовершеннолетнего преступника не должно сформироваться чувство безнаказанности. В связи с этим целесообразно дополнить пункт 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [2] абзацем следующего содержания: «Назначая уголовные наказания, суды не должны допускать, чтобы у несовершеннолетнего возникло чувство безнаказанности за совершенное преступление. Поэтому суд должен разъяснить подсудимому значение наказаний, не связанных с изоляцией от общества и предупредить его, что в случае совершения в период его отбывания нового преступления он понесет более суровое наказание» [3, с. 230].

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС КонсультантПлюс – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (Дата обращения: 01.10.2024).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС КонсультантПлюс – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315 (Дата обращения: 01.10.2024).
3. Боргун В.Н., Денисов А.Д. Уголовное наказание несовершеннолетних. Вопросы назначения // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 1 (229). – С. 229-231.
4. Годунова А.К. Государственное регулирование системы уголовных наказаний и особенности их назначения в отношении несовершеннолетних // Государственное и муниципальное управление: вчера, сегодня, завтра: материалы научно-практической конференции (с международным участием). – Луганск: Изд-во «Ноулидж», 2024. – С. 73-85.

5. Карпец И.И. Преступность: Иллюзии и реальность. – М.: Изд-во «Российское право», 1992. – 432 с.
6. Кольцов М.И., Попова Е.А. Проблемы освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних путем применения к ним принудительных мер воспитательного воздействия // Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – № 3 (23). – С. 337-340.
7. Костенко Ю.А., Соловьев Е.А. К вопросу о специфике назначения наказаний в отношении несовершеннолетних // Матрица научного познания. – 2024. – № 3-2. – С. 310-317.
8. Сайдуллоев А.А. Применение принципа равенства прав в отношении несовершеннолетних осужденных // Endless Light in Science. – 2023. – № 4 (4). – С. 110-116.
9. Данные судебной статистики / Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт // Режим доступа: http://cdep.ru/inde.p p?id=79&item=7069 (Дата обращения: 01.10.2024).

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Сборник статей по материалам

LXXXVII международной научно-практической конференции

№ 10 (86)
Октябрь 2024 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 21.10.24. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 28,5. Тираж 550 экз.

Издательство ООО «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 4.
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

16+

СибАК

www.sibac.info

Конференции по 20 направлениям науки:

- Биология
- География
- Информационные технологии
- Искусствоведение
- История
- Культурология
- Математика
- Медицина
- Менеджмент
- Педагогика
- Политология
- Психология
- Социология
- Технические науки
- Филология
- Философия
- Физика
- Химия
- Экономика
- Юриспруденция

ООО «СибАК» предоставляет ученым различных стран и областей науки возможность обменяться результатами научных исследований на **конференциях** с дистанционным участием. Каждый деятель науки, у которого есть подключение к Интернету, может присутствовать на научных форумах, **представить свои работы** на рассмотрение коллег и **вступить в диалог** с единомышленниками и оппонентами.

Ознакомиться со статьями, присланными на конференцию, можно на официальном сайте СибАК **www.sibac.info.** У всех желающих есть возможность в кратчайшие сроки получить по почте **сборник трудов**, которые были представлены на конференции. Рассылка сборников производится **через 15 дней** после окончания конференции.

Интернет-конференции намного упростили обмен информацией и ускорили время рецензирования и рассмотрения научной работы. Стоит отметить, что, **при защите диссертаций ВАК РФ** засчитывает публикацию работы в материалах международных и общероссийских научно-практических конференций.

Со дня основания издательством СибАК было проведено более **480** научно-практических конференций, в которых приняло участие более **7800** ученых и специалистов из 22 страны ближнего и дальнего зарубежья.